

ПЕТР ИНГВИН

Замолчок
ПУТЬ ДОМОЙ
ВЕДИ

16+

Петр Ингвин
Зимопись. Путь домой. Веди
Серия «Зимопись», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63917203

SelfPub; 2022

Аннотация

Заключительная книга "Зимописи". Все загадки, в том числе оставшиеся от первого шеститомника, получают объяснения, а герои снова будут попадать в невероятные ситуации и мучиться выбором в необычных моральных и аморальных "вилках".

Содержание

Глава 1. Артемида	5
Глава 2. Игры и отражения	22
Глава 3. В путь за отражением	44
Глава 4. Новая рабыня	71
Глава 5. Начало	92
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Петр Ингвин Зимопись. Путь домой. Веди

Цикл «Зимопись. Путь домой», книга третья

В начале текста на смысл эпиграфов внимания не обращают, поэтому они перенесены в конец книги.

Глава 1. Артемиды

«Я остался посмотреть, чем закончится драка, и был избит обеими сторонами». Из показаний потерпевшего на суде в моем мире. Смешно и грустно. А самое плохое то, что это может случиться со мной. Я все еще жив и, если везение продолжится, доживу до момента, когда беляки и люди схватятся по-настоящему – на выбывание, выясняя, кому в будущем править планетой. Здесь, по другую сторону Большой воды, единой силы, способной противостоят нашествию, не существует. Все разрозненны, ненавидят друг друга и, даже спасаясь об общей беды, продолжают убивать друг друга. У нас так происходило во всех частях света, куда пришла техническая цивилизация с ружьями и пушками. Враждующие племена не объединялись против пришельцев. Сосед-сволочь (а сосед – он по определению сволочь, спросите любого) всегда был олицетворением зла, и, чтобы ему досадить, допускалась дружба с любым могущественным злом рангом повыше. Так было и так будет, если люди не одумаются, а они не одумаются, потому что они люди.

Американцы – в основном белые и черные, а где коренные краснокожие? Их осталось до невозможности мало. Их счастье, что они вообще остались. «Хороший индеец – мертвый индеец». Древние германцы, приходя на новую территорию, применяли тактику выжженной земли. Земля остава-

лась, местные жители исчезали. Политика нейтронной бомбы. Бомбу за всю историю ни разу не применили, а политике имени этой бомбы, между тем, – тысячи лет.

«Человек – звучит гордо»? Каждый думает так о себе. Ну, и еще о некоторых. Кроме, естественно, соседей, которые, судя по их поведению, вообще не люди, как считает большинство, глядя друг на друга из-за забора. Утверждение касается любых соседей, с кем за тысячи лет пересекающегося проживания хотя бы раз были взаимные дразги. А чтобы взаимных дразг (крови, грязи, взаимных налетов, массовых убийств, отбирания территорий и прочих обид) за много веков ни разу не было – такого не бывает. «Милые бранятся – только тешатся» – это не про соседей. Не браниться ни милые, ни, тем более, немилые не умеют. Выйти за рамки такой «человечности» надолго не получалось ни у кого. Может быть, беяки правы, и мы – обезьяны?

Но беяк – в том виде, в котором я их узнал – тоже не звучит гордо. Скорее, ужасающе. И вот гордо звучащий, как о себе думаю, я оказался между двух огней. С одной стороны – враги человечества, внешне напоминающие людей всем, вплоть до привычки есть людей, но превосходящие людей возможностями настолько, что к людям их не отнесешь. С другой стороны – те самые люди, для которых конкретный я по разным причинам тоже враг. Здесь, по эту сторону реки, меня убьет любой встречный, чтобы обобратить или из боязни, что я ограблю и убью его. А в стране башен я не имею права

на существование по закону, поскольку появился на свет не тем путем (точнее, на том пути оказался не того пола). Все хотят меня убить.

Честно говоря, я согласен даже на смерть, если ради такой цели враги найдут начальную точку соприкосновения и впервые посмотрят друг на друга не как на врагов.

К сожалению для всех и к некоторому эгоистичному счастью для меня, ничего подобного не случится. В глобальном масштабе мелкий и незначительный, ничего, кроме проблем, с собой не несущий, я не представлял интереса ни для одной из сторон.

Что делать? Как обычно. Все, что в моих силах, и немного больше.

А пока – выполнять добровольно взятые на себя обязанности раба. Случай изменить ситуацию обязательно представится. А нет – тогда я сам его «представлю». В общем, всему свое время.

В последние дни моя жизнь круто изменилась. Не знаю, как обращались с рабами в древности, но что значит быть рабом, я ощутил на собственной шкуре.

Первые день и вечер, когда Ева отправила меня спать, прошли нервно, я лежал в трех метрах от проявлений животной страсти, примерно равной с обеих активных сторон. Рябой наелся в подполе, а до того тоже не бедствовал, Ева чудесно перекусила сырым мясом, теперь обоим хотелось других удовольствий.

Еву постоянно что-то не устраивало. Рябой у нее то хилым оказывался, то неумелым, то глупым, то рожей не вышел. Рябой сносил все оскорбления. В какой-то момент он, видимо, разозлился настолько, что не сдержал себя и проявил жесткость. Удивительно, но чрезмерность Еве понравилось. Адам, как она посетовала, себе такого не позволял, а это, оказывается, интересно, и надо повторить, и рассказать новому Адаму.

Сочетание последних слов меня удивило, но голова думать уже не могла. Она отключалась при первой возможности. От солнечного света я закрывался локтем, а от звуков, к сожалению, не спасало ничто.

Когда бурные звуки прекратились и раздалось размеренное дыхание, меня это не успокоило, а, наоборот, всколыхнуло. Бежать! Сейчас. Другого шанса может не быть. Я осторожно поднялся.

– Чапа, – раздалось из-за стога, – принеси Еве пить.

Услышала? Почуяла? Или простое совпадение?

Допускать таких совпадений нельзя, следующее окажется для меня последним.

– Если Ева не возражает, – подал голос Рябой, – то и мне. Делая Еве приятно, ее раб Рябой очень устал.

– Принеси нам пить, – последовала окончательная редакция приказа.

Привязанное к колодцу ведро до лежавшей парочки чуть-чуть не дотягивалось, отвязать его не получилось, а переру-

бать веревку не стоило, чтобы потом не создавать себе других проблем. Пришлось искать подходящую емкость – такую, чтобы хватило надолго, то есть чтобы за водой меня в ближайшее время больше не гоняли. Я поплелся в бревенчатое здание кухни-столовой, оттуда, с найденным кувшином, – к колодцу. Когда вода была доставлена (при этом я старался смотреть в сторону), последовало новое распоряжение:

– Принеси поесть.

Я вновь отправился на кухню. В плане еды там оказалось пусто, пришлось спускаться в подпол кладовки. Не появившись у братвы провизия из-за реки, они бы голодали. Или совершили бы налет на соседей.

За мной никто не следил, разнеженные Ева и Рябой развалились во дворе на сене, им ни до чего не было дела. Набирая продукты, я прикидывал возможность побега.

Сотрудничество с беляками, о котором так мечталось, не заладилось. Пусть Рябой с ними договаривается, я умываю руки.

Побег нужно продумать. После того, как Ева на моих глазах прыжком со стены догнала сбежавшего из крепости, надежда на собственные ноги отменялась. Для побега нужна особая ситуация. Либо Еву нужно сильно и очень надолго отвлечь, либо сжечь-обезглавить. Теперь нас, желающих сбежать, двое, шансы выросли многократно. Только бы не упустить нужный момент, когда он возникнет.

Не сегодня. Мне еще отдыхать и отдыхать, чтобы просто вернуться в норму. Сейчас меня хромой догонит, а нужно играть наверняка, иначе Зарина меня не дождется. Блефовала ли царица, объявляя о некоем сроке, после которого награда за выполненное поручение перейдет в свою противоположность? Мне кажется, что она страшила меня для ускорения процесса. Поэтому и точный срок не озвучен, и конкретные санкции не объявлены. «Твоя задача, – было мне сказано, – пройти через портал, вернуться и доложить о нюансах. Успеешь за неделю – награжу, а Зарину восстановлю во всех правах и верну ей утраченную вотчину. Каждый день задержки отнимет из списка наград что-то хорошее, а в какой-то день – тебе не нужно знать, но в крепости о конкретной дате известно – если я не вернусь или ты не отправишься ко мне, к твоим близким будут приняты меры». Заявление больше походило на блеф. Непреодолимые причины вроде урагана, наводнения, встречи с гопниками дома или рыцарями, братвой, беляками и другими невменяемыми элементами здесь отбивали у меня охоту любой ценой выполнить поручение до конца. Царица это понимала. Она будет ждать сколько сможет, а моим близким, между тем, ничего не грозит. И царица понимала, что я это пойму, иначе она не политик. А она, что бесспорно, политик, каких поискать.

Большая политика допускает ложь. Очень большая политика подразумевает правду во лжи, выдаваемой за правду. Царица – очень большой политик. Я сделаю так, как она за-

думала и приказала, даже если не уложусь в срок, но внесу в план свои коррективы.

С кухни я прихватил с собой деревянный поднос, куда накидал всякого-разного, от сухофруктов до сухарей.

Когда я подошел, Рябой вообще не обратил на меня внимания, Ева подняла голову, глянула одним глазом и скривила губы:

– Это что?

– Ужин для Евы.

Про Рябого я не упомянул. Сами разберутся.

– Это ужин для кузнечика или такого доходяги, как ты. Принеси нормальной еды.

– Прошу Еву простить глупого раба, но в силу своей ограниченности Чапа не понимает, что значит «нормальная еда».

– Это значит много. И обязательно принеси мяса.

– Сырого? – Мой голос дрогнул.

– Сырое хорошо идет только с голодухи, а для удовольствия надо жареного. Только крепость не спали, а то Ева знает, как вы, бестолочи, с огнем обращаетесь. Аккуратно надо, понял?

– Понял.

Подумалось, что, наверное, каждый, кого беляки просили пожарить мясо, понимая, какое мясо следует жарить, поджигал помещение в надежде, что демоны сгорят вместе с заказанным мясом.

Я рискнул уточнить:

– Какое мясо Ева имеет в виду?

Хватит ли у меня духа готовить человечину?

– Вокруг полно мяса. Поторопись, пока Ева не приказала подать на стол тебя.

Рябой начал что-то подозревать. Он быстро огляделся и вновь притворился спящим. Возможно, до него дошло, почему у трупя, который он оттаскивал от Евы, не хватало мяса на руке и на заднице.

Я уже разворачивался, когда меня остановил окрик:

– Куда пошел? Оставь, что принес, потом иди.

Интересно, беляк может умереть от того, что подавится? Желаю всем сердцем.

Одна из лошадей была недавно добита, и на разведенном костре я зажарил кусок конины размером с волка. Пока жарилось, приходилось стоять. Сидя я мог заснуть.

– Прошу.

Поданного куска хватило бы на весь отряд царицы. Ева приняла мясо и почти брезгливым жестом отправила меня восвояси.

До утра я спал сном младенца. Ева и Рябой, судя по всему, тоже. Или меня ничто не могло разбудить.

С утра Ева намеревалась покинуть крепость и отправиться куда-то, но так и не собралась. Отдохнувший и наевшийся мяса Рябой готов был ублажать ее и дальше, уход из крепости отложили на завтра. Весь день хозяйка и новоявленный раб миловались, как сказал бы Поликарп, а на мне лежали

обязанности по снабжению едой и питьем. Снабжение – не в стратегическом плане, как пополнение запасов, а кормление. Тоже своего рода улаживание. Ни огороды за крепостью, где надо было что-то собирать-сажать-окучивать, ни рыбалка (для чего были заготовлены сети, очень удобные, чтобы забрасывать в стремнину) Еву не волновали. Она жила сегодняшним днем.

Со стороны мы выглядели как дорвавшееся до свободы трио натуралистов – богатая дама, которая может позволить себе все, подцепленный ею жиголо и бедный родственник одного из них. Мне было все равно, смущало одно: а если в крепость кто-то придет?

– Может быть, вывесить флаг? – рискнул я предложить.

Мол, товарищи прохожие, обходите нас стороной – место под собственный рай занято (сообщение для беляков), или не суйтесь, если жизнь дорога (для моих сородичей).

Ева машинально кивнула, но потом задумалась.

– Нет, – был ее окончательный ответ.

– Разве Еве не нужно сообщить другим о том, что эта крепость – ее?

– Зайдут – сами увидят, а придут обезьяны – тем лучше. Нам нужно больше рабов.

Логично, блин ей в глотку и мечом по шее. А еще говорили, что беляки – глупые.

Но ленивые – это да. Все время, не отданное ласкам, Ева спала. Спала долго и, как казалось, крепко. Проверять по-

ка не хотелось. Рябой тоже спал, отдыхая «от трудов праведных» и набираясь сил для новых раундов. Провизии в крепости хватало благодаря забитой лошади и перекинутым через реку мешкам, и все свободное время я тоже пускал на восстановление организма.

Само наличие свободного времени говорило, что мое рабство протекало довольно сносно. Рабство, как определение, в моем понимании выглядело несколько иначе, оно должно было состоять из чего-то вроде труда на плантациях под ударами бичей надсмотрщиков. А моя жизнь при Еве напоминала, скорее, труд потомственного или наемного слуги при добром непритязательном господине. Если бы только не несвобода и угроза в любой миг потерять жизнь...

Рябому его положение нравилось еще больше. Его рабство свелось к единственной обязанности, и он, кажется, забыл, что за стенами крепости существует огромный мир и что прежняя жизнь в братве не допускала раболепства и подчинения даже в принципе. Как же быстро ломает людей беспечное существование.

Меня начинало бесить, что судьба подкидывает шансы, а мы ими не пользуемся. Сколько моментов было, когда Ева спала, а Рябой на миг приоткрывал глаза, но меня, активно привлекавшего к себе внимание, видеть отказывался. Или – в процессные позы, когда забывшая обо всем, кроме ощущений, Ева лежала лицом в сено или выгибалась с закрытыми глазами, стоя на четвереньках, отчего голова задиралась к

небу и становилась идеальной мишенью.

Я указывал на меч: «Могу неслышно подать!» – и проводил большим пальцем по шее.

Рябой отрицательно мотал головой:

«Не сейчас».

И я исчезал из поля зрения, вместо того, чтобы во все горло гаркнуть «А когда же?!», как требовала душа, или подскочить с обнаженным клинком и сделать все самому.

У Рябого была своя правда. Второго шанса нам не дадут, и нужно приучить противника не думать о покушении. Вряд ли Ева настолько беспечна, что совсем забудет о возможности рабского вероломства, но время шло, и с каждым разом Ева все больше не боялась оставлять раба за спиной, причем надолго. Удовольствие было у нее на первом месте. «Глупы и ленивы» – говорил Терентий. Он собирался сыграть на этой ахиллесовой пяте беляков. Жаль, что ему не дали воплотить идею в жизнь, отрицательный результат отправил бы Терентия на тот свет вместе с его фантазиями, зато успех задумки позволил бы людям выстоять и выстроить эффективную стратегию борьбы с могучими пришельцами.

Но жизнь давно меня научила, что врага нельзя недооценивать. То, что внешне казалось глупостью, могло быть обычной, знакомой по многим семьям, привычкой надеяться на напарника. У пары выживаемость в разы выше, чем у одиночки. Синергетический эффект. Ева долго жила с Адамом, а теперь осталась одна. Ее психика еще не перестрои-

лась к новым условиям.

Но мне не терпелось. По-моему, как говорит расхожая фраза, «клиент созрел». Зачем же тянуть время? В любой миг все может измениться.

Надо поговорить с Рябым. Я дождался, когда его в очередной раз отправили мыться, и мы перекинулись несколькими фразами.

– Пора.

– Нет, еще рано. – Он глядел в сторону.

– Завтра ты ей разонравишься, и все пойдет прахом.

– Придумаем еще что-нибудь. Кто хочет, тот всегда найдет возможность.

– Именно.

Он, наконец, посмотрел мне в глаза:

– Хочешь правды? Я никогда так шикарно не жил. Жратвы – хоть задом жуй, роскошная баба под боком, о какой мечтать не мог...

А я-то думал, что он выбирает момент. Все оказалось намного проще. И человечней.

– А ничего, что недавний предводитель братвы, не опускавший взгляда перед любой опасностью, радуется жизни раба?

– Как ты сам сказал, когда меня уговаривал, это вынужденная мера.

Я прибег к последнему доводу:

– Тебя не смущает, что она не человек?

Видел бы он Еву в образе осьминогоподобного зародыша с человеческим мясом в зубах...

Кстати. Может быть, пожиратели, которых так боялись на той стороне реки, были не только обычными мясоедами? Одного беловолосого людоеда хватит, чтоб на века отбить у заречных дамочек вкус к любому мясу. Это еще одна версия в доказательство гипотезы, что беляки уже приходили.

– Мне не нужен человек, мне нужно удовольствие, – оскандился Рябой. – Ева дает его мне сполна. Ты видел хоть одну бабу, которая всегда готова? Впрочем, что ты, вообще, в свои годы видел...

Я удивил бы Рябого рассказом, сколько видел в свои годы. В этом мире мне достаточно показали на «уроке», в невестории и в бытность пиратом, а в моем мире у меня был интернет. Чего я не видел своими глазами, то знал в теории.

Стало понятно, почему некоторым нравятся не живые люди, а силиконовые куклы или игрушки из секс-шопа. Рябой мне только что объяснил. Его позиция была неприятна, мне душа не позволяла сказать «Мне не нужен человек...», но в том, что все люди разные, жизнь убедила меня давно. Каждому свое. Рябому – ненасытная демоница, кому-то – всегда доступный андроид с внешностью фотомодели или силиконовый друг, а мне – Зарина.

Я буркнул под нос:

– Тебе бы на ту сторону реки...

Жить одним из мужей при женщине из страны башен –

почти то же, что происходило у нас сейчас и чему так радовался Рябой. Там система называлась законами Аллы, здесь – более прямо. Рабство. А что же еще, если свободы нет, и за инакомыслие и непослушание карают смертью?

– А что там? – заинтересованно глянул на меня Рябой.

– Все, что тебе так понравилось.

Донесся окрик, и мы умолкли – разговаривать между собой не по делу нам запрещалось. По делу можно было говорить в присутствии хозяйки или когда отправлены работать совместно. Ева сделала выводы из поимки себя и Адама, теперь она не хотела, чтобы рабы лишний раз оказывались вместе. Для налаживания нормальной жизни ей нужен был напарник. Новый Адам. Это нам объявили, как план на ближайшее будущее:

– Мы пойдем за Адамом.

Когда звучало определение «новый», мозги Рябого были заняты или вовсе отключены, и теперь он испугался. Слухи о воскресавших демонах-мстителях просто так из головы не исчезают.

– Адам вернется к Еве? – Голос Рябого дрогнул.

– Обязательно. Завтра идем за новым отражением.

За «отражением»? Странное слово. Надо выяснить смысл, если он есть.

Ни завтра, ни послезавтра мы опять никуда не пошли. Рябой ублажал Еву, между бурными схватками он отдыхал, а всю работу выполнял я – был мальчиком на побегушках и

мастером на все руки. Не то чтобы я очень уставал, но врожденное чувство справедливости заставляло меня смотреть на напарника волком. В конце концов, мы оба рабы, Рябой даже рабее меня, поскольку пришел вторым и именно я сохранил ему жизнь. Мог бы иногда помогать.

Рябой делал вид, что устает невероятно. Актер из него был никудышный, но как любовник он Еву устраивал, и его переигрывание с изображением постоянной жуткой усталости осталось вне ее внимания. Мне оставалось смиряться.

Так продолжалось несколько дней. На пятые сутки утром я долго валялся на сене, наслаждаясь благословенной тишиной, когда меня позвали:

– Чапа! Сделай быстрый завтрак и готовь лошадей.

Выезжаем, наконец. Трупы смердели, при западном ветре дышать было невыносимо. Еву, все эти дни негодовавшую от запаха мужского пота, трупная вонь не смущала. Впрочем, про гниющих мертвяков она тоже не забыла:

– Трупы перетащи в кладовку и завали ими подвал, чтобы до нашего возвращения провизию не растащили прохожие мерзавцы. Оружие и одежду посмотрю перед выездом, а ты себе подбери что-нибудь. Мой раб не должен выглядеть голодранцем. Остальное закопаешь, пригодится для будущих рабов.

Я сбегал за подносом, накидал пожаренной с вечера конины и сухарей, и, появившись перед Евой, чуть не споткнулся. Рябой валялся с неестественно вывернутой шеей. В том,

что он мертв, сомневаться не приходилось.

– Чем Еве не угодил второй раб? – осведомился я.

– Эта обезьяна слишком много себе позволяла.

Что ж, оставшаяся обезьяна намек поняла.

Недавно я сравнивал Еву с Артемидой. Из легенды про Артемиду вспомнилось, что она в гневе убила страстного и любвеобильного Адониса. Про Аполлона, ее брата-близнеца, я уже говорил. Совпадение следует за совпадением. Что будет дальше? Насколько я помню, Актеона, своего напарника по охоте, подглядывавшего за ней, купавшейся в речке, Артемиду превратила в оленя, и его разорвали собаки. Это мне урок на будущее, чтобы не случилось еще одного совпадения. В сказки, мистику и прочую чертовщину я не верю, но в упомянутом выше случае, как говорится, сам Бог велит перестраховаться. То есть, не подглядывать за купающимися девицами. Никогда. Особенно, если они не совсем человеки, даже если выглядят сногшибательно.

Пригодится или нет, но еще про Артемиду вспомнилось, что в Троянской войне они с братом, согласно показаниям слепого очевидца (не описка), помогали троянцам. Агамемнону она приказала принести в жертву дочь. А храм Артемиды в Эфесе, который сейчас находится в Турции, входил в число семи чудес света. Статую богини жители почему-то сделали с множеством грудей. На что намекали?

И вот еще, тоже кстати. Артемиду Эфесская была покровительницей амазонок. Привет моим заречным подругам. И

лучше взять это слово в кавычки, поскольку «подруги» они такие, что ни пером описать, ни в Красную армию. Одна только царица чего стоит. Мне кажется, они бы с Евой подружились. Тогда всем осталось бы разбежаться и ждать, когда же одна из подруг съест вторую.

– Сколько лошадей брать? – спросил я по окончании завтрака, когда остальные распоряжения тоже были выполнены.

Одну – Еве, это понятно. А рабу полагается лошадь? А сколько поклажи с собой возьмем? Вопросы не праздные.

– Трех. Запасную нагрузи провизией. Погоди, пока не седлай, Еве нужно еще несколько приятных минут. Иди сюда.

Глава 2. Игры и отражения

Меня поймали врасплох. Пока Еву ублажал Рябой, я был в некоторой безопасности. О том, что в некоторой, а не в полной, выяснилось только сейчас. Намерения Евы в отношении меня не изменились. Похоже, ей было все равно с кем, лишь бы было с кем. А я уже оделся и снаряжился в путь. От убитых братков мне перепал подходящий по фигуре комплект мужской одежды (с брюками! наконец-то! небывалое давно забытое счастье!), сапоги по размеру, кожаный доспех с бронзовыми вставками на груди и спине и многослойными оплечьями, шикарный пояс с кинжалом, флягой и дорожной сумочкой, лук со стрелами и перевязь с удобным кривым мечом. Надо сказать, что мечей на выбор было несколько, я остановился на том, который надежнее снесет голову одним ударом. Прямой и тяжелый меч прекрасно справится с броней противника, а шею лучше не только рубить, но и взрезать, чтобы наверняка. Сюда бы мою катану, спрятанную около темного дома, или какую-нибудь саблю...

К сожалению, век сабель еще не наступил. Бронзовая сабля называлась кривым мечом и весила намного больше, поэтому мой выбор пал на небольшой меч. Меньше вес – больше скорость применения.

Даже моя лучшая скорость удара вряд ли превысит скорость реакции Евы. Надо ловить момент. Удар достигнет це-

ли в одном случае: когда Ева не заметит его, то есть когда отвлечется на что-то или будет надежно закреплена.

Шлемы братва, в большинстве своем, не носила, то ли из презрения к смерти, то ли от непонимания, что голову защищать нужно тоже, то ли от знания, что защищать там нечего. В крепости нашлось всего три шлема, один был помят настолько, что без кузнечных работ его не восстановить, второй выглядел слишком красиво и его, наверняка, заберет Ева (если ей, вообще, понадобится шлем), а третий был для меня оптимальным – легкий, невзрачный, при этом – крепкий, то есть функцию защиты головы выполнявший на сто процентов. А еще я обзавелся налобной повязкой, как у Поликарпа, чтобы носить, когда хожу без шлема. Волосы перестали падать на лицо. Теперь их можно стричь реже. Или вообще не стричь. Тоже своего рода счастье.

На этом счастье закончилось, меня вернуло в жестокие будни, окунув туда самым неприятным образом. Снова придется юлить, выкручиваться или идти ва-банк. Ненавижу. Никаких нервов не хватит.

Уже знакомый жест Евы пригласил меня на примятое се-но рядом с ней. После выхода из подземелья она не одевалась, ей было комфортно, и она никуда не торопилась. Задуманный и едва не начавшийся поход вновь откладывался.

Ева раскинулась передо мной в ожидании.

Но...

Она не потребовала раздеться! Ей нужно было как в про-

шлый раз – чтобы погладили и помассировали!

Вспыхнувший энтузиазм сказался на эффекте. Я принялся за дело с таким пылом, что выказанные рвение и усердие в сочетании с умением принесли быстрый результат. Буквально за пару минут знания и навыки из невестория и кое-что привнесенное из моего мира заставили соскучившийся по ласкам объект покрыться мурашками, затем красными пятнами, а вскоре задрожать и выгнуться сначала навстречу моим рукам, а после – прочь от них, несших сладкую муку.

Все же, в результате, я взрывник. Можно себя поздравить. Титул лучше сформулировать так: «Взрывник от безысходности».

«Опустошающее утешение» удалось. Несколько секунд содроганий закончились ступором. Ева с минуту пыталась отдышаться, и на меня ошалело вскинулись ее ресницы:

- Ты хорошо справляешься. Так даже Адам не умел.
- И что же, больше никто-никто?

Кажется, я высказался слишком фамильярно. Как утверждала выдаваемая за шутку пошлость из моего мира, «постель – еще не повод для знакомства». Я исправился:

- Еве больше никто так не делал?
- У меня был Адам, зачем мне еще кто-то?

Ответ мне понравился. По предыдущему поведению Евы мне казалось, что ей все равно с кем и где. Ранее полученные о беляках сведения подтверждали теорию, что для них главное – это удовольствие.

Оказалось, не все так просто. Беляки (или конкретная Ева?) разборчивы. Им нужен напарник – один-единственный. Про них так и говорили: «Живут парами. Когда один умирает, второй может взять в сожительство человека» и «Подразделений в обычном понимании не существует, беляки действуют парами, а если пара с возникшей проблемой не справилась, она просит помощи у соседей».

На тех же принципах построена стая челоуолков. В идеале и у людей так же, но идеал, как известно, недостижим.

Хоть в чем-то я встал на сторону беляков. Любить кого-то одного независимо от факта, что есть кто-то лучший – это здорово. Напрягало другое. Смерть напарника вызвала лишь констатацию: «Адам умер» – и его место мгновенно заняла подходящая обезьянка (с точки зрения беляка), а Ева собралась в поход за новым Адамом.

О чем это говорит?

Понятия не имею. Одно знаю точно: понятие «любовь» в нашем понимании у беляков либо отсутствует, либо мне попался моральный урод. Точнее, уродка. Если о людях судить только по Иуде, который Искарриот, по Далиле (она же Далида) и, например, по жене Потифара Мемфис (она же Зулейха), то мнение тоже будет мерзким. А встретиться какому-нибудь инопланетянину в качестве типичного представителя человечества киношный Ганнибал Лектор, впечатление о землянах останется такое же, как у меня от Евы.

Наверное, повременю с выводами. Вдруг остальные беля-

ки – агнцы с нимбами, а мне попало единственное в их роду тупорылое козлище?

Ой, как хочется верить. Но не верится. Будь остальные нормальными, люди не бежали бы от них как от чумы.

Кстати, появилась новая информация. Адам – все же не брат, а муж, законный или гражданский. Тонкости белячского семейного права еще предстоит выяснить.

А если (чем черт не шутит) Адам – сразу и муж, и брат? Чужая душа – потемки, а уж неведомые традиции тем более. Египетские фараоны женились на сестрах. А джорджмартиновские Таргариены вообще на беляков похожи – и волосы белые, и все как один красавцы, и возможности у них круче обычных человеческих. А не вылезли ли беляки со страниц фэнтезийного мира? Однажды я читал про такую возможность, ведь есть же мнение, что все созданное нашим воображением существует где-то во Вселенной. И про религии так же говорят: когда много людей верит в одно и то же, оно материализуется и становится правдой. По этой теории Таргариены обязательно где-то существуют.

Все же, беляки – не Таргариены, Джордж Мартин со своей «Песнью льда и пламени» ни при чем. Беляки прекрасно горят в огне, а человеку, посмевшему вылить на голову беляка раскаленное золото, не поздоровится. Фэнтезийные миры откидываем, надо искать более рациональное объяснение.

За размышлениями я не заметил, как довольная Ева уснула. Поход вновь откладывался.

Я тоже вздремнул.

Первая мысль проснувшейся Евы была, естественно, не о лошадях, а о еде. Чтобы достать продукты, пришлось сдвинуть трупы с крышки подпола и пробираться туда зажав нос.

Второй приказ был тоже не о лошадях. Ева словно забыла, куда собиралась. Она вновь приказала себя ублажать.

Дело с отбытием затягивалось. Справиться с беляком в одиночку случай не предоставлялся, пришлось еще раз, а затем еще и еще работать «взрывником».

Так подопытные крысы, которым вживили электрод в отсек мозга, отвечающий за удовольствие, без перерыва нажимают на включатель, пока не сдохнут от истощения. Роль электрода выполнял я, а надежда на истощение не оправдалась. Еда и сон быстро восстанавливали Еву для новых раундов, причем иногда хватало одного или другого. Пищу готовил и приносил я, Ева проводила это время в ленивой неге и одиночестве – валялась на сене, глядя в небо, дремала или наблюдала за мной. Я боялся очередного «Хватит глупостей, хочу по-другому». К счастью, Еве нравилось именно то, что я делал руками, а от остального, чем в предыдущие дни обильно обеспечил Рябой, она, возможно, устала. Или Рябой перестарался, и во фразе «Эта обезьяна слишком много себе позволяла» главным являлось «много». Не знаю, что творилось в голове Евы, нормальному человеку беляка не понять. Пока же меня устраивало, что определенную черту перейти не требуют, и каждый раз я старался мощнее вы-

вести Еву из строя – более сильными ощущениями и на более долгий срок. Делать приятное тому, кого не любишь – тяжкий труд. А если объект приложения сил еще и ненавидишь всем сердцем...

До сих пор я твердил, что не хочу быть царем, теперь добавлю: и содержанцем. Это тяжело и противно физически и до конца жизни будет тяжело и противно на душе.

– Новый Адам меня не убьет? – спросил я следующим вечером, когда Ева была в особенно хорошем расположении духа: с закатившимися глазами и открытым ртом, которому не хватало воздуха.

Посторонних разговоров она не любила, и за парочку вопросов я едва не поплатился жизнью. Спасло то, что других слуг поблизости не было, а тратить время на их поиски Ева не хотела. Ей было хорошо здесь и сейчас.

Прозвучавший вопрос касался Адама, тема Еве была приятна.

– Он не новый, – ответила она. – И за что убивать? Ты что-то натворил, о чем Ева не знает?

– Адам не ревнивый?

– Что за глупости? Делать хозяйке приятное – обязанность раба. Конечно, если ты полезешь к Еве, когда у нее будет Адам, Ева сама тебя убьет.

– Спасибо Еве за разъяснения, Чапа обещает не лезть к Еве, когда у нее будет Адам, Чапа постарается быть в это время далеко от них.

В последней фразе выразилась мечта – пока еще далекая, казавшаяся недостижимой. Но: «Трудно, долго, но не невозможно». Ищите и обрящете, говорит мудрость тысячелетий, и после времени разбрасывать камни придет время их собирать.

– Раб обязан быть рядом, – сообщила Ева после некоторого раздумья.

– Как скажет Ева. Чапа будет там, где нужно.

Как же люди и даже нелюди любят слышать то, что хотят услышать.

Самое смешное, что я не лгал. Чтобы не упустить шанс на спасение, нужно оказаться в нужном месте в нужное время, поэтому «Чапа будет там, где нужно» – истинная правда.

Все же я не утерпел, чтоб не задать еще один вопрос.

– Крест на флаге и одежде Евы и других... – я поперхнулся, но заставил себя продолжить: – людей что-то означает?

Про одежду я упомянул не зря. Ева о ней забыла, и мне даже мечталось, чтобы кто-то постучался в ворота, лишь бы заставить ее принять более приличный вид.

Настроение у Евы было чудесным, она лениво вымолвила:

– Рисунок напоминает место, где Ева появилась на свет.

– А где Ева родилась?

Она скривилась:

– Рождаются обезьяны, а люди появляются на свет.

– А где появляются на свет люди?

Вот он, момент истины. Мне даже точный адрес не нужен,

достаточно намека.

Но...

– Хочешь прожить дольше – не задавай лишних вопросов.

Не так она и глупа, как иногда кажется. Знания – сила. Сообщить место появления на свет – подставить его под удар.

Чтобы не дать Еве заскучать или задуматься о большем, приходилось напрягать и силы, и мозги. Ей, как она выяснила с Рябым, нравилось пожестче, но где-то он перегнул палку, и ему перегнули шею. Знать бы точную причину...

Не исключаю, что Ева сама просила поступить с ней пожестче, ну а Рябой, понятное дело, рад стараться. Вот и достарался. Не все надо делать так, как говорит женщина, не зря сформулировано: «Выслушай женщину, сделай наоборот, и она получит то, что хотела». В этом плане Ева ничем не отличалась от женщины-человека. Собственно, она ею была, просто особенной, с некоторыми отклонениями или модификациями. И поступать с ней следовало как с обычной женщиной. Понятно, что со скидкой на необыкновенные возможности и неуравновешенность. Неуравновешенность вытекала из завышенного самомнения: «Я – человек, а все вокруг – тупые обезьяны». Типичная ошибка всех гениев – недооценка окружающих. Моцарт был чудесен как пианист-композитор, но в отравлениях ничего не смыслил, а Сальери – наоборот. То есть, каждый из нас – гений, но в разных сферах. Главный минус такого положения вещей – нам хочется выглядеть не теми, кто мы есть на самом деле.

Отсюда все беды.

Сейчас мне следовало проявить гениальность в поверхностных способах «утешения», чтобы Ева не отточила на мне свои гениальные навыки членовредительства и хребтоломательства. Нужно подойти к делу системно. Итак. Что ей нравится?

Ответ очевиден: всё.

Ева всеядна как в пище, так и в удовольствиях. Другое дело, что одно и то же блюдо со временем приедается. Сначала хочется больше, затем – с приправами, затем – просто чего-то другого. Как совместить мой «мягкий» путь доставления удовольствия с тем, что Ева требовала от Рябого? Если не ничего не придумать, рано или поздно встанет вопрос о погружной ловиласке, и мне вновь придется идти на принцип. Не думаю, что удастся спустить дело на тормозах еще раз.

Вариант – это БДСМ. Об этом, с моей точки зрения, извращении, которое (кви продест?) активно популяризируется в моем мире в сети, книгах, кино и на телевидении, я знал понаслышке, а представлял кадрами из фильмов: плетки, кляпы, цепи, наручники... Ну а что? Наверное, Ева оценит. Найти бы ей специалиста... Заковать, распять на Х-образном кресте, и снести голову, одновременно обложив ножки хворостом и устроив костерчик до полного испепеления...

Мечты, мечты.

Дожились, еж и мать его ежика. Распять, обезглавить и

сжечь перешло в разряд мечт.

И все же. Какой-никакой, а – вариант, и о нем стоит думать. Жаль, на «уроке» мы обошли садистско-мазохистские развлечения стороной, хотя многие настаивали на подробностях.

Или не жаль. Не знаю. Возможно, я получил бы еще больше ощущений, после которых по ночам снятся кошмары, а у многих приятных дел появится неприятный привкус или они покажутся неприемлемыми, и некоторые посторонние вещи обретут двойной смысл.

Боль = удовольствие. Не понимаю. Мне, получавшему раны, известно доподлинно: удовольствие – это как раз отсутствие боли.

Но – и с этим ничего не поделать – все люди разные. Существуют же те же садисты и мазохисты, одним нравится истязать, другим – терпеть. На «уроке», перечисляя, от чего в ловиласке возможна боль, Варвара в том числе сообщила: «И от удовольствия». В повисшей в ответ тишине лица у царевен вытянулись, словно у изображения на экране сменили формат. Самопровозглашенная преподавательница закончила мысль: «К этому еще вернемся» – и когда вернулась, то объяснила: «Как я говорила, все составляющие ловиласки приходят в разных сочетаниях, и насчет боли не все так однозначно, как с болезнями. Есть еще боль от удовольствия и удовольствие от боли. Тело каждой женщины не похоже на другие, поэтому единых правил получения удовольствия не

существует, задаются лишь направления. Если упрощенный до безобразия мужской организм имеет единственную зону удовольствия, то у нас их неимоверно много, они разбросаны по поверхности тела и внутри. Шея, грудь, живот, внутренняя поверхность локтей, коленей и бедер, запястья, поясница, ступни, пальцы ног... У некоторых даже макушка! – В тот момент Феофания, привлекая к себе внимание, постучала себе ладонями по налитой упругости тыла: "А вот это?", и Варвара подтвердила: – И это, причем по-разному: у одних поглаживанием, у других поцелуями, у третьих – похлопыванием или поркой. Существуют люди, которым это нравится, и когда нас, например, наказывают плетьюми, для них наказание – как нежданная порция десерта». «А среди нас есть такие?» – всколыхнулись царевны. «Что мешает нам попробовать? Я бы доверила проверку нашему пособию, – заявила тогда Ярослава. – Если некое удовольствие существует, думаю, мужская рука обнаружит его у нас быстрее. Кто "за"?»

И многие на полном серьезе предлагали попробовать, принесет ли им удовольствие совмещение ласк с отшлепыванием.

Не сложилось. А сейчас бы такой опыт пригодился. Ева безбоязненно предоставляла мне и фронт, и тыл, и верх, и низ, и вообще все что угодно для любых экспериментов. Не допускалось одного – оказываться у нее за спиной вооруженным. Я этого и не делал. Всеу свое время.

И все же, как мне кажется, Еве нравится не боль, а все

непривычное. Рябого она подстрекала поступать пожесточе – и чем это для него кончилось? Потому что Еву влекла не жесткость сама по себе, а новые ощущения. Отсюда следует вывод: зачем искать специалиста? Начать можно с малого, а там и до наручников дело дойдет, причем само, по-нарастающей. Главное – это подвести к нужной мысли и сделать такие наручники, чтоб удержали беляка, когда я потянусь за мечом.

Отличный план. Потому что другого нет. Иначе я никогда не рассматривал его всерьез.

Действительно, как справиться с беляком еще каким-нибудь способом, я не представлял. Не верилось, что Ева по своей воле подставит шею под меч, а если такое случится, существует большой шанс, что где-то спрячется подвох.

Пролетел еще день, третий по счету, наступило утро, и мне вновь приказали делать приятное. Замкнутым пространствам комнат, где нашлись бы мягкий тюфяк, а то и приемлемая кровать с матрасом, Ева предпочитала открытые пространства. Сено примялось и, бывало, кололось, она не обращала на это внимания.

– Еве нравятся игры? – спросил я для начала.

– Конечно, нравятся. – Ева с блаженством потянулась.

– Какие?

– Вот эти. – В тоне почувствовалось раздражение: «Разве не понятно, что ли?»

На языке висел вопрос «Какие еще игры нравятся Еве?».

но сработала внутренняя система самозащиты. В качестве других игр мне могут предложить совершенно для меня неприемлемые. Я и эти-то позволял себе скрепя сердце, признавая за ними право на существование лишь потому, что «партнерша» у меня – в кавычках. Смахивание пыли со статуи древней богини не назовут любовными играми. Как и реставрирование картины, где изображена нимфа или другое мифическое создание женского пола. Взгляд машинально реагирует на красоту и женскую наготу, и на этом все заканчивается. На олицетворение зла, как бы оно ни выглядело, возбуждаются только маньяки. Мне Ева была противна.

Отношение к ней сказывалось на моих мужских реакциях. Их не было. Это огорчало Еву, но дело компенсировали мои старания в других направлениях.

Для удобства (своего, как объекта получения удовольствия, и моего, как источника удовольствий) Ева раскинулась на сене звездочкой, лицом чуть влево, чтобы не терять меня из виду. В целом она мне доверяла, и ее глаза при мне, активно действующем, закрывались крепко и надолго, и спали мы теперь рядом. Мои одежда и амуниция ждали своего часа в другом конце двора, что-то брать без объяснения или надевать мне запрещалось. Никакого свода запретов при этом не озвучивалось. Каждый окрик рождал новый запрет, повторять нарушение я не решался.

Дожди, видимо, исчерпали сезонный ресурс в дни переправы с царицей, небо про них забыло. Кожа ощущала осве-

жающий ветерок, в бок покалывало сухими тростинками. Я лежал на левом боку, правой рукой совершая над Евой «утешающие» пассы. Бурный момент мы уже миновали, теперь Еве хотелось чего-то расслабляющего или нового. Поэтому я завел разговор про игры. Начнем с малого, а там, может быть, и до наручников или чего-то вроде приковывания к кровати дело дойдет. Глядя на Еву, я чувствовал, что могу быть садистом. Мало того, я хотел быть садистом. Плохо, что порыва она не оценит: вряд ли мазохистская черточка в ней выражена до такой степени, чтобы позволить рабу над собой издеваться.

А хотелось бы.

Я с нажимом провел пальцем между лопатками Евы, так близко от желанной тонкой шеи: вверх, уголком вниз и поперек. «А».

– Какую букву Чапа написал Еве на спине?

– Букву? – Голос сквозил полным непониманием.

Она не умеет читать?!

– Чапа может поиграть с Евой в угадайку. Каким пальцем он коснулся Евы?

– Указательным.

Я быстро сменил средний палец, которым действительно писал, на безымянный – вдруг у беляков тоже есть неприличные жесты? – и вынес кисть с отставленным пальцем на вид:

– Неправильно. Но один из пяти угадать сложно, лучше

сделать по-другому...

– Ева поняла. Теперь Ева будет загадывать. Ложись. Она провернулась на бок и занесла надо мной руку.

Я покорно замер. В спину сильно надавило, почти ударило.

– Указательный, – сказал я.

– Средний! – Ева показала палец и залилась смехом.

Вряд ли жест что-то значил, просто Еве нравилась игра.

А мне, вообще-то, стало неприятно.

– А сейчас? – Тычок между лопаток был точно таким же.

– Средний.

– А вот и нет! Указательный!

Ева ликовала и веселилась как ребенок.

Я понял, что никогда не угадаю. Она так же меняет пальцы, а проверить невозможно. Вместо этой детской игры в качестве примера мне нужно было выбрать что-то более умное.

Еву действительно радовало, что обман не доказать, поэтому она выиграла у меня раз пятьдесят. Бессмысленное развлечение мне давно надоело, наконец стало надоедать и Еве.

– Какие еще игры ты знаешь? – спросила она.

Кажется, удовольствия от произошедшей глупости Ева получила больше, чем от моих предыдущих стараний.

От злости, что так бездарно теряем время (нам все же не по три годика), я показал детский фокус: схватил себя за поднятый вверх большой палец и, незаметно загнув его внутрь

ладони, другой рукой сделал вид, что оторвал его.

Ева открыла рот.

– Должна быть кровь. – В ее глазах стояло недоумение. – Почему нет крови?

И это все, на что способны ее мозги?

Я «приделал» большой палец обратно и продемонстрировал вновь ставшую целой руку.

– Как ты это сделал?! – На меня глядели выпученные глаза.

Я показал как можно быстрее, пока Еве не пришло в голову самой оторвать у меня что-нибудь и посмотреть, как я буду выкручиваться. Вдруг она решит, что у меня, как у беляка, оторванное тоже автоматически восстанавливается?

Поняв, в чем фокус, Ева была в восторге:

– Ха-ха-ха! А еще что-нибудь?

Почему память так устроена, что когда надо, она все забывает, а потом, когда уже поздно, вываливает горы ранее нужной информации? Все, что я вспомнил – это покрутил пальцем у виска, одновременно с поворотом вперед вытаскивая, а при повороте обратно убирая язык.

– Еще!!!

Радости у Евы было, как говорится, полные штаны, если б она была в штанах. Несоответствие формы и содержания резало глаз. Взрослая девица в самом соку, познавшая все нескромные утехи, как малое дитя восторгалась совершеннейшей ерундой.

Я зажал в кулаке обломок тростинки и выставил оба кулака вперед:

– В левом или правом?

– Что?

– Что-то. В одном кулаке что-то есть, в другом пусто. Надо угадать, в каком что-то есть.

– В правом!

Я развернул кулак и раскрыл ладонь, в ней не было ничего. Тростинка оказалась в левом.

Ева нахмурилась.

– Плохая игра. Нельзя выиграть.

Ее ответ следовало понимать как «нельзя мухлевать, поэтому выигрыш не гарантирован». С точки зрения Евы условия были плохими.

Я предложил другую игру:

– Называется «прятки». Один отворачивается и считает до десяти, второй прячется...

– Еве нравится, – перебила Ева. – Считай!

Остальным правилам, видимо, придется подождать. Я отвернулся и закрыл глаза руками:

– Раз, два, три, четыре...

На крыше кухни, у печной трубы, громко ухнуло и заскрипело.

– ...Восемь, девять, десять. Иду искать.

Я открыл глаза и обернулся.

Естественно, первым делом хотелось осмотреть крышу

кухни. Я начал издалека:

– Так. За колодцем? За колодцем нет. Может быть, в колодце? И там нет. За кладовкой?..

Пару минут я бродил по двору, делая вид, что усиленно ищу.

– Где же Ева?

Мне послышалось, или от кухни действительно донесся смешок?

Не верилось, что кровавый убийца, захватчик и людоед поведет себя как сущий ребенок, однако дело обстояло именно так. Связано ли это с тем, что беляки появлялись в нашем мире сразу взрослыми? «Ровзы». Закрадывалась мысль, что у них не было детства. Недавно Ева сказала: «Пойдем за новым отражением». В тот миг мне было не до глубинных и масштабных размышлений, организм всецело отдался задаче выживания, а теперь мозг уцепился за интересное слово. Перед глазами возникла картинка: некий заброшенный храм или особняк (неприменно в готическом стиле), ночь, луна. Из тьмы мрачных коридоров появляется Ева, она подходит к магическому зеркалу, чье местонахождение пока неизвестно, зажигает факелы (пляшущие отсветы и мерцание живого огня – неприменный атрибут, без которого общий вид не будет полным и достоверным)... Возможно, вместо факелов окажутся свечи. Непринципиально. Звучит заклинание, стальной глянец окутывается туманом, и из языков дымчатой пелены навстречу шагнет...

Нет, не сходится. Чтобы появился Адам, перед зеркалом должна стоять не Ева. Но тогда...

Значит, есть место, где живут Адам и Ева-оригиналы.

Тогда те, что топят мир в крови – их магические копии?!

Получается, что моя Ева – тоже копия.

А когда отражение-напарник погибает, оставшаяся копия идет за новой копией... куда?!

Гипотеза от начала до конца пропитана мистикой, но они (как моя гипотеза, так и мистика) тоже имеют право на существование. В мире возможно все. Допустим, где-то, в некоем священном для беляков месте, изначальные Ева с Адамом обрели загадочную сверхъестественную силу и проводят колдовские обряды, клепая свои отражения. Если цель Адама Первого и Евы Первой – порабощение мира, то отражениям-воинам нужны определенные свойства: сила, скорость, ловкость, мгновенная реакция и неуязвимость. Не совесть, не смекалка и, тем более, не ум, чтобы не создать конкурентов находящимся в тени правителям.

Сходится?

К сожалению для меня и всего человечества – да. Сильный и тупой гражданин общества, руководимого всемогущими колдунами, радуется возможности гнобить слабых «обезьянок», чтобы их силами и на их костях строить свой рай. Умный же гражданин задумается: а почему бы «людям» не дружить с «обезьянами», которые ничем, кроме силы и неуязвимости, от «людей» не отличаются и, к тому же, уме-

ют делать столько интересного и красивого? И если кто-то приказывает «обезьян» уничтожить – не проще ли один раз уничтожить этого «кого-то», чтобы потом долго жить в счастье и в мире?

У тех, кто жаждет править миром, ум для подчиненных – под запретом. Колдуны всегда создают себе в помощь тупых могучих орков. Так принято. Орки – это не граждане будущей империи, это руки колдунов. А когда рук много, их не жалко.

Чем Ева не орк? Выглядит она, конечно, как эльф, который хорошо питался и много занимался спортом, но разумом – натуральнейший орк.

И насчет рождения общих детей в этой версии все сходится. Как орки с эльфами имели общих предков (разделили их на разные виды среда обитания и воспитание), так и люди с беляками – одно и то же, поскольку изначальные Адам и Ева – гипотетические колдуны – это люди. А их отражения – уже не совсем.

И то, что беляки (то есть, магические отражения пары получивших неведомую силу людей), ведут себя как дети, тоже легко объяснимо. Воспоминания Адама Первого и Евы Первой за долгие годы потускнели, местами стерлись, и удовольствиями считаются только нынешние, недавние, то есть взрослые. От долгих лет взросления у отражений остаются лишь смутные образы, собственного детства у них не было.

Красивая гипотеза. Жаль выбрасывать. Но факты ее пе-

речеркивают. Беляки появлялись из-под земли, а не из какого-то зеркала, они приходили тощими и жалкими, а главное – голыми. То есть, они как бы рождались, но сразу взрослыми. И никто их никуда не посылал с определенными целями, у беляков нет единого центра.

Или...

Поликарп знал не все. И не все, что знал, он успел сказать. – Где же Ева? – повторил я, обходя кухню по кругу.

Никаких лестниц вверх не вело, Ева туда просто запрыгнула. На три метра в самой низкой части.

Надо срочно отправляться за новым Адамом – к таинственному зеркалу, чем бы оно ни оказалось, и, главное, к той парочке, с которых лепятся отражения.

Или все снова не так, и отражение можно слепить с любого? Может быть, нового Адама Ева слепит с меня?

Хочу узнать правду.

– Ева очень хорошо прячется, Чапа проиграл. Кстати, Чапа знает много других игр, в которые можно играть в дороге. Может быть, седлать лошадей и продолжить играть в пути?

Глава 3. В путь за отражением

Выехать сразу не получилось: прятки Еве понравились. Однообразные игры продолжились до вечера. Приходилось бродить по двору, прекрасно представляя, в какую сторону унесся шум шагов и где громынуло. Укрытием Ева выбирала только крыши, зная, что мне туда снизу не заглянуть, а чтобы забраться, понадобится лестница. Мое «поражение» делало Еву счастливой, она воспринимала «выигрыш» как личное достижение. В определении беляков «глупы и ленивы» первая часть вновь получила подтверждение.

Орк эльфовидный. Новая раса. Подвид человека разумного, совершившего неразумный поступок, создав эту расу. А достоин ли тот, кто совершает неразумные поступки, носить имя разумного? Надо бы переименовать. Допустим, «обезьяна себялюбивая».

Ближе к вечеру я устал настолько, что не выдержал и «нашел» Еву – указал туда, где, как слышал, она затаилась.

Само собой, проигрывать ей не понравилось, и мы поменялись ролями. Теперь она считала до десяти, а я...

Я стоял. Ближайший меч лежал по ту сторону колодца, в десятке метров. Шея – вот она. Успею ли?

Ева обернулась:

– Чапа забыл как прятаться? Ева хочет играть. Если Чапа будет плохо играть, Ева накажет Чапу.

Я спрятался за кладовкой, но запах разложения погнал меня дальше. Конюшня не подошла шумом: лошади внутри фыркали и перетаптывались, а мне требовалась тишина. В конце концов я оказался за кухней. Ева выдвинулась искать меня слева – я обошел строение справа. Побродив по двору, Ева двинулась вправо – я спрятался слева. Так повторилось несколько раз.

Игра дала пищу для размышлений. Беляки сильны и быстры, но другие способности у них не развиты. Впрочем, Ева меня как-то почуяла в подземелье. Возможно, угроза жизни обостряет чувства беляков, а погружение в детство, которого у них не было, сводит на ноль. Или беляки не могут сосредотачиваться на двух вещах одновременно.

Последнее стоило обдумать и запомнить. Когда настанет время решающего взмаха мечом, эта подробность может спасти мне жизнь.

Еве надоело нерезультативное хождение. Она прыгнула на крышу, оттуда перемахнула на другую, и в какой-то миг мне не удалось скрыться за спасительной стенкой.

– Ева увидела Чапу! – разнесся ликующий вопль, слышимый, наверное, и в стране башен.

Тон сразу сменился:

– Разве можно передвигаться, когда прячешься?

Я вышел из-за стены:

– Конечно, можно. Было бы нельзя, я предупредил бы заранее.

– Ты обманул! Ты не сказал главного, и Ева, когда пряталась, всегда сидела на месте!

– Но даже так Ева почти всегда выигрывала.

– А должна – всегда!

Казалось, меня ждет судьба Рябого. Игрушка надоела – ее ломают.

– Из кладовки плохо пахнет. – Ева поморщилась. – Выбрось мертвяков за стену. Только не туда, где ворота, а по другую сторону.

А то я не догадался бы. Кстати.

– Раб смеет напомнить Еве, что когда мы уедем за новым Адамом, провизия останется без присмотра, ее растащат.

– Будущие рабы соберут и принесут еще.

Никакой проблемы Ева не видела. Ее дело – приказать себя накормить, а где рабы возьмут продукты – дело рабов. Подход ужасный и в высшей степени логичный. Каждый занят своим делом: Ева командует, рабы выполняют. Не подкапешься. Если рабы приказ не выполняют, их накажут. То же все логично.

Пока я выполнял приказ, Ева лениво глядела в небо. Узнать бы ее мысли...

В ее голове могло не оказаться никаких мыслей. Взгляд был пустой, ничего не выражающий.

Впрочем, с таким же взглядом Ева убивала. Если сейчас ее мысли тоже об этом, лучше о них не знать, все равно сил на противодействие у меня не хватит.

Когда я отмылся после грязной работы, Ева распорядилась:

– Есть хочу. Принеси чего-нибудь, быстро и много.

Я помчался исполнять новый приказ.

После ужина Ева развалилась на сене:

– Иди сюда.

Как она уже говорила, делать хозяйке приятное – обязанность раба. Я вновь приступил к «глажке и выжимке» – сначала, как обычно, в сторону успокоительного «утешения»... и до опустошительного дело не дошло, Ева заснула.

Ева всегда спала очень долго. Возможно, все беляки спали больше, чем люди. Сравнивать не с кем, да и не хочется. За последние дни я отъелся и отдохнул, организм полностью восстановился, после многочасового сна проснуться у меня получалось, как правило, раньше Евы. Ее сон был чуткий, мне приходилось делать вид, что тоже сплю. Любое неаккуратное движение – и меня куда-нибудь пошлют. Или, наоборот, позовут. Лучше спокойно полежать, пока время есть.

Вот так и становишься глупым и ленивым. Как говорится в пословице, «с кем поведешься...»

А еще, как я понял, Ева не хотела, чтобы я занимался хозяйством самостоятельно, то есть без присмотра. Чем я беззастенчиво пользовался и потому отдыхал вволю. Когда с приходом нового Адама пара беляков восстановится, ла-

фа закончится, а пока на рабство жаловаться не приходилось. Ну, разве что убьют за лишнее слово или неправильный жест, а в остальном – сносно. Так много есть и спать (не «или», а именно «и») в этом мире мне, когда я был свободным, практически не доводилось.

Незаметно пролетела ночь. Утро, начавшееся с завтрака, закончилось очередным «иди сюда». Поскольку уехать вновь не получалось, я гнул выработанную линию:

– Чапа вспомнил еще одну игру.

Что-то обязательно сработает. Не хватит реальных игр, придумаю новую. Не может быть, чтобы во время игр выпадающий в детство разум не допустил ошибку.

Ева перевернулась на спину, на меня поднялся радостный взгляд.

– Ева слушает. – Она перехватила мою руку и опустила на себя – мол, говори, а от дела не отвлекайся.

Отторжение, которое было еще вчера, а несколько дней назад просто сводило с ума, плавно сходило на нет. Память затирала плохое, и если в миг раздражения Евы я видел в ней кровожадного орка, то в остальное время передо мной сверкала прелестями прекрасная эльфийка. Это действовало на нервы и прочие части организма. Возможно, не будь Ева столь ленива и прояви она какую-нибудь инициативу, во мне что-то всколыхнулось бы. К счастью, Ева ни о чем подобном не догадывалась, ее мысли работали в другую сторону, и я мог быть за себя спокоен.

То, что мне приходилось гладить ее и всячески ласкать, роли не играло, передо мной лежала не женщина, а белячка – очень похожий на человека враг рода человеческого, о чем я не забывал ни на минуту. Кожа Евы под моими пальцами была неестественно чистой, гладкой, абсолютно белой. Несколько дней на солнце – и ни тени загара. Неужели первоначальные догадки верны, и Ева – нечто созданное искусственно, плод труда неизвестного психа-гения от механики, кибернетики и бионики, и кожа ее – не настоящая, а какая-нибудь силиконовая? Что же тогда находится внутри?!

В чем сомневаться не приходилось, так это в наличии сердца и теплоты организма. Сердце стучало. Оно реагировало на мои действия. Дыхание Евы сбивалось, кожа краснела, но не от солнца, а исключительно от удовольствия.

Не переставая гладить, я «поделился опытом», придуманным тут же:

– У нас была такая игра. Хозяин и раб на время менялись местами...

– У тебя были рабы?

– Когда я говорю «у нас», то имею в виду...

«Все человечество». Скажу так – и голова полетит с плеч. Обезьяны не должны равнять себя с людьми, только жизни людей имеют значение. А как же сказать? «Весь обезьянник»? Какое производное от «обезьяны» подойдет к случаю?

Надо же, наш язык даже не предназначен для признания других общностей равными себе. Мы – человечество, а

остальные твари (в изначальном смысле, от глагола «сотворены») – просто твари (в другом, обидном смысле) по сравнению с нами. Кто круче – тот и прав. Сейчас правой была Ева. Всегда.

– Имею в виду всех, – закончил я. – Говорят, в такие моменты приходят очень интересные ощущения и новые мысли.

– Ева не поняла. В чем здесь удовольствие?

– А в чем удовольствие от прятков?

– В выигрыше. Ты проигрываешь – Ева получает удовольствие. Какое удовольствие Ева получит, если на время будет вынуждена обслуживать раба?

– В том и дело! Поставить себя на место другого...

Опять едва не вылетело неприменимое в условиях чужой правды слово «человека». Я просто повторил:

– На место другого – это само по себе сильное ощущение.

– Ева еще поняла бы, если бы Чапа был нормальным самцом, и вот это, – в мою сторону, в район бедер, дернулась ее рука – настолько быстро, что я засек лишь смазанное движение, – висело бы не для украшения и поливки. Тесно поиграть с рабом как рабыня – такую игру Ева попробовала бы, но ты ни что не годеи.

Коснувшись меня, ладонь Евы вернулась на место. Я сидел ни жив ни мертв. После жарких и, главное, регулярных любовных баталий с Зариной организм в нужном объеме вырабатывал все необходимое и удивлялся, что выработку не

используют по назначению. Душевные вопросы его не волновали. Если в понятие «обслуживать» Ева однажды внесет активные ласки, то я не ручаюсь...

Черт бы побрал мое тело с его собственными запросами и неподконтрольной разуму идеологией! Сонно ворочаясь, запросы тела проснулись, как медведь в конце зимы: «Уже весна или мне почудилось?» Я вскочил и помчался прочь, на ходу крича:

– Новая игра! Догонялки! – Только бы Ева не заметила, что медвежья спячка висит, как говорится, на волоске, а если быть до конца откровенным, то уже прошла указанную стадию. – Нужно догнать другого и дотронуться, например, до его спины, и тогда догонять должен тот, кого догнали!

Ева дослушала пояснения и лишь тогда бросилась вдогонку.

– Поймала!

Удар в спину опрокинул меня на траву. Я успел сгруппироваться и совершить кувырок, чтоб ничего не повредить – лучше чуть-чуть помять сразу много мышц и костей, чем сильно – одну. Встал я с трудом, потирая ушибленное.

Ева улыбнулась:

– Догоняй!

Будь я птицей, у меня получилось бы. Как-то раз, в детстве, я выстрелил из рогатки в летавших над головой стрижей. Мне казалось, что я с рогаткой – охотник, а птицы, соответственно, – дичь. Наивный. Запущенный мной стальной

шарик, добытый из подшипника, сначала разогнал птиц, но затем две из них с разных сторон подлетели к несущемуся снаряду, сопроводили в течение пары секунд, после чего поняли, что он неопасен и несъедобен, и продолжили заниматься привычным делом – кружить и выяснять между собой отношения или делиться сплетнями – или что они там, в вышине, обычно делают. Для меня стало откровением, что не я был охотником. Птицы не восприняли серьезной угрозой мой снаряд – для человека опасный и, как рассказывали, даже смертельный, если угодит, к примеру, в висок. Все мои усилия, оказались, перефразируя поговорку, стридам на смех. Выводы я сделал правильные: можно быть сильным, а можно быть быстрым. А лучше быть умным, чтобы видеть разницу и как-то использовать.

Новая игра Еве понравилась до чрезвычайности, приятно быть непобедимой. Догнать ее не удавалось, и не удалось бы до конца жизни. В плане скорости мы с ней были, так сказать, в разных весовых категориях. Иногда, дразня меня, Ева не торопилась, и когда я оказывался рядом, легким отскоком отпрыгивала метров на десять в сторону или на пару моих ростов вверх – на крыши крепостных построек, откуда она могла путешествовать с одной крыши на другую не слезая вниз, и останавливало ее от такой прогулки лишь то, что большинство крыш на бег по ним не рассчитывались.

Запыхавшись, я взмолился:

– Ева знает понятие форы?

– Чего?

Не знает.

– Когда кто-то заведомо сильнее или быстрее, он дает другому больше времени на то, чтобы убежать или спрятаться.

– Зачем? Но ты прав, так тоже интересно. Давай играть с форой. Пусть Чапа подойдет ближе и догоняет Еву с расстояния в два шага.

Мы сыграли, введение нового правила ничего не изменило. Мощный прыжок Евы уносил ее практически у меня из рук.

Выиграть не получилось бы ни при каких условиях, но игра того стоила, она позволяла узнать пределы возможностей беляков. Пусть не всех, а конкретной Евы, но тоже немало. От нее зависели мои жизнь и свобода.

И оттого, что выяснялось в игре, мне на душе становилось все гаже и гаже.

Я предложил новые условия:

– Пусть Ева стоит спиной, когда я начну ее догонять.

– Тогда Ева тебя не увидит, – озаботилась она.

Значит, в активной игре (вместо которой я по аналогии представлял схватку) Ева не полагается на слух в такой же мере, как на зрение. То есть, зрение главнее. Это уже кое-что.

– Я побегу издалека, а Ева пусть убегает в любой момент, когда захочет, мне больше не нужна фора.

– Без форы ты даже не приблизишься к Еве.

– Пусть Ева убегает в самый последний миг, тогда будет интересно. Самое важное в игре – это...

– Удовольствие! – перебила Ева.

– Не только. Еще больше – впечатления. Когда вспоминаешь приятно проведенное время, то особые впечатления дают не постоянные выигрыши, а, например, как ты выиграл в тот миг, когда чуть было не проиграл.

То, что выглядело игрой, для меня игрой уже не было. Для Евы – было. Отвернувшись, она дождалась моих приближавшихся шагов и сорвалась с места, когда между нами оставалось примерно четыре шага. Похоже, я нащупал минимум, на который хватило ее нервов. То есть, подпускать меня ближе она боялась.

Информация получена. Пока непонятно, насколько она ценна, но выиграть в большом смысле однажды мне позволит знание именно таких мелочей

– Есть еще похожая игра, – сказал я. – Сейчас сделаю реквизит.

– Чего?

– Снаряд.

– Наряд?

Ева не знает снарядов. Тоже важная информация.

Узнать бы, что она знает. Пули? Яды? Заклинания? Бластеры и вакуумные бомбы?

– Снаряд – это такая вещь, которой Ева и Чапа будут кидать друг в друга, а правила игры те же, как в догонялках:

нужно убегать, чтобы второй не попал.

Снарядом выступила рубаха одного из убитых, многократно перевязанная веревкой таким образом, чтобы превратить ее в подобие мяча. Сначала, когда идея только появилась, я хотел кидать обычный сапог, но здравый смысл восторжествовал, и только поэтому обошлось без членовредительства. Первым же ударом мяча Ева едва не свалила меня с ног. Даже не верилось, что такое возможно. Вроде бы, обычная тряпка, а боль – как если вместо волейбольного мяча в спину прилетит со всей дури запущенный баскетбольный.

От моих бросков Ева легко уворачивалась. Еще бы, если ей даже стрелы не помеха. Но я, опять же, обращал внимание на мелочи. Спиной ко мне Ева больше не поворачивалась. Боязнь нападения сзади можно отметить как возможность для будущей атаки. Копье, стрелу, нож или камень со спины Ева может пропустить, что отвлечет внимание и, возможно, даст время приблизиться для решающего удара по шее.

– В эту игру можно играть на конях, – сообщил я как бы между прочим.

И на этот раз сработало!

– Седлай, давно пора ехать.

Только бы виновным в задержке не сделали меня. С Евы станется. Я помчался в конюшню.

– Ты говорил, что для путешествия знаешь и другие игры, – донеслось вслед.

– Много! – уверил я.

Сборы заняли несколько минут, все давно было продумано. Две лошади для нас, еще одна под поклажу. Заготовленные сумки с продуктами несколько дней дожидались в углу конюшни, чтобы не пропахли трупным запахом из кладовки. Я вывел лошадей, и только тогда Ева вспомнила про одежду.

– Где вещи Евы?

Я развел руками:

– Чапа не видел.

– Найди и принеси.

Я бросился исполнять.

Вещи Евы как сквозь землю провалились. Я обошел и перерыл все. Вопреки ожиданиям ничем не порадовали «княжеские» апартаменты – комната воеводы, в которой позже хозяйничал «князь» Хотей, а еще позже, скорее всего, ночевала царица. Мне кажется, вещи и флаг беляков царица спрятала или забрала с собой. Про намечавшийся финт Террентия с флагом она слышала – значит, вариант с обманом беляков тоже могла продумать.

Как сообщить Еве о том, что я ничего не нашел? Мои метания, начавшиеся после решения об отъезде, раздражали ее. Еще немного, и она найдет, кого обвинить во всех бедах.

Я вышел к ней с опущенной головой и, глядя исподлобья, сообщил:

– Кто-то украл вещи и флаг Евы, пока она и Чапа сидели в подземелье.

Казалось, настала последняя минута моей жизни. В глазах Евы полыхнуло, ее кулаки сжались...

– Пусть только попадутся мне.

...И кулаки разжались.

Пронесло. Не завидую тем, у кого с собой окажутся вещи крестоносцев.

– Принеси и покажи вещи и оружие мертвяков.

Следующие полчаса мы подбирали Еве наряд. В ней проснулась настоящая женщина. Что-то из предлагаемого откидывалось как длинное, другое оказывалось широким, третье – некрасивым. Выбор остановился на льняном исподнем и кожаных доспехах, собранных, как говорится, с миру по нитке. Голову увенчал шлем. Не думаю, что для безопасности, просто шлем порастил изяществом, а беляки, как я уже понял, любили все красивое. Шлем был легким и напоминал обычную остроконечную шапку, лицо не защищали ни наносник, ни нащечники, а затылок и шею не прикрыва...

Рано обрадовался. В ворохе снаряжения нашлась и была прикреплена к шлему небольшая чешуйчатая бармица для защиты шеи. Сильному точному удару по неподвижной мишени она противостоять не сможет, но кто даст мне сделать такой удар – сильный, точный, по неподвижной мишени? Моя задача усложнилась. Когда представится момент, закончить дело единственным ударом будет непросто.

Из оружия Ева взяла длинный меч и красивый нож. Ни лук со стрелами, ни копье, ни метательные ножи или топо-

ры ее не заинтересовали. Действительно, зачем что-то кидать в противника, если скорость приближения беляка к врагу сравнима со скоростью полета копья? Проще допрыгнуть и проткнуть мечом или сломать позвоночник.

Я тоже оделся и вооружился приготовленными кривым мечом и кинжалом. Лук и стрелы, так же заранее отложенные для похода, я, поразмыслив, с сожалением оставил, они мне не понадобятся: охотиться здесь не на кого, с возможными врагами разберется Ева, а ее саму стрелы не берут. Зачем же таскать лишние вещи? Сейчас мне нужно больше заботиться о сохранении жизни. Поэтому я тоже надел шлем – тоже легкий и не столько красивый, сколько крепкий. Береженого Бог бережет.

– Может быть, вывесить флаг, – рискнул я предложить, – чтобы крепость никто не занял?

– Сейчас у Евы нет флага.

– Флаг можно нарисовать или сделать из чего-то, если Ева покажет, как он выглядит правильно.

Подспудной мыслью было научиться делать фальшивые флаги.

– Некогда. – Ева вскочила на коня. – На месте возьмем новый.

– Где?

– Скоро.

Я рассчитывал на другой ответ, но лучше такой, чем сломанная шея, как у Рябого. «Эта обезьяна слишком много се-

бе позволяла».

Оставшихся в конюшне двух лошадей я отвязал: сена здесь достаточно, проживут как-нибудь. Или сбегут на волю, если ворота оставить открытыми. О таких мелочах, как чужие жизни (тем более, жизни животных) Ева не задумывалась. Когда понадобятся новые лошади, она пошлет за ними рабов, и проблема, по ее мнению, решится.

Выезжая, о воротах Ева не распорядилась, и они остались открытыми. Лошади не пропадут. Пока их не найдут люди. Когда вокруг царит голод, лошади, скорее всего, станут не транспортом, а просто кониной.

Я люблю животных и не желаю им такой участи. Но... Пусть лучше лошади станут кониной, чем люди – человеческой, в этом плане я шовинист, антропоцентризм у меня в крови.

Может быть, беляки – прививка от антропоцентризма?

Солнце стояло в зените и поползло умирать на запад. Время обеда. Ева о нем забыла – начались долгожданные приключения. Сначала ей не хотелось куда-то ехать, оттого и появлялись постоянные причины отсрочек, а сейчас ее захватила жажда новых впечатлений.

Вороной конь Евы шел рысью вдоль берега вверх по течению, я следовал позади на гнедой кобыле и, на привязи, с запасной, рыжей, что, вообще-то, ближе к светло-коричневому. Этой же дорогой мы с царицей добирались к порталу. Меня направление более чем устраивало. С каждым прой-

денным метром я приближался к цели. Простое сопоставление фактов убеждало: мы едем в «деревни» оружейников (теперь, увидев их собственными глазами, не могу называть без кавычек). Все следы и слухи вели туда. Кроме портала в мой мир там же должно быть место, где, как сказала Ева, беляки «появляются на свет».

– Ты обещал игры, – на ходу бросила Ева.

– Можно сыграть в города, – объявил я.

Сколько же информации можно выудить из ответов об известном белякам мире...

– Объясняй.

– Например, я говорю: Еконоград. Оканчивается на «дэ».

Еве нужно ответить названием города или деревни на эту букву... – Еж копченый, она же не знает букв. – На звук «д»...

– Скучная игра. Давай другую.

Облом-с. Ничего, однажды я выведу разговор и на эту тему, а пока...

– Можно продолжить играть в мяч, но теперь на конях.

– Не поняла – во что играть?

– Этот снаряд, – я подкинул в руке тряпичный шар, – называется мячом.

Мы попробовали. Еве не понравилось. Результат зависел не от ее способностей, а от возможностей лошади и от умения управлять. Оказалось, что опыта верховой езды у меня больше. Ева привыкла полагаться на свои ноги, и в экстрен-

ной ситуации (когда в нее летел запущенный мной тряпичный мяч) лошадь ей только мешала.

– Все, никаких мячей и догонялок, давай другую игру.

– Прятки? – с надеждой спросил я.

Справа лес, слева река, условия для побега вроде бы идеальные.

Вопрос номер один: догонит ли бегущий беляк несущуюся галопом лошадь? Если взять с места в карьер...

Не хочу проверять. Помню, как Ева раскидывала всадников, которые стремились вырваться а ворота.

Тогда – вопрос номер два: беляки плавают так же быстро, как бегают и прыгают?

Зависит от того, умеют ли они плавать. Если умеют – лучше мне в реку не соваться.

– Никаких прятков.

– Тогда вот еще игра, называется «Камень, нож, лопух».

Кулак обозначает камень, он разбивает нож, но завертывается в лопух. Нож – выставленные два пальца – режут лопух и боятся камня, а лопух – открытая ладонь – побеждает камень и проигрывает ножу. На счет «три» нужно показать одну из фигур. Раз, два, три!

Ева показала кулак, я – ладонь.

По коже побежали холодные мурашки, но я сообщил:

– В этот раз Ева проиграла.

– Нет, Ева выиграла. Камень раздавит и порвет любой лопух. Он сильнее всего.

– Но в игре...

– Глупая игра. – Ева поглядела на небо. Солнце с упорством отъявленного диссидента стремилось на запад, словно ему там медом намазано. – Надо поторопиться.

Она пустила коня галопом.

Пришлось не отставать. Если расстояние между нами увеличивалось, Ева оборачивалась. Одного такого взгляда хватало, чтобы выровнять дистанцию и дальше соблюдать ее строго.

Время летело, мы тоже летели. Похоже, Еве не терпелось быстрее прибыть в нужное место. Похвальное желание, но лошади – не машины, они не рассчитаны на долгий бег в таком темпе. Галоп надо чередовать с рысью и шагом намного чаще, а Ева периодически замедлялась не потому, что заболела о здоровье нашего транспорта, а из-за смены рельефа: по илистому мелководью или камням нельзя скакать так же, как по утоптаным тропам.

– Если Ева позволит обратиться...

– Что еще?

– Лошади не могут бежать с такой скоростью так долго.

– Как видишь – могут.

– Они не выдержат.

– Все время забываю, что обезьяны такие хилые и ранимые. Боишься упасть и сломать что-нибудь? Держись рядом, Ева постарается подхватить. Чапа – хороший раб, Ева ценит Чапу.

«Постарается», ага. И Ева ценит Чапу до тех пор, пока он единственный раб, а как только появятся другие...

– Я беспокоюсь о лошадях. Они погибнут.

– Беспокойся о чем-нибудь важном.

Мы во весь дух неслись дальше.

Я оказался прав. Не прошло получаса сумасшедшей гонки, как моя взмыленная кобылка пошатнулась и споткнулась. Естественно, никто меня не подхватил. Падать было страшно и больно. Счастье, что обошлось без переломов.

Это случилось на травянисто-песчаном берегу, в пяти метрах от воды. Мой шлем улетел в реку и сгинул, подхваченный течением. Лошадь дергалась в агонии, и я прекратил ее мучения ударом кинжала.

Ева остановила коня, и тот, брызгая розовой пеной, тоже завалился. На ногах осталась запасная лошадь, ее спасла меньшая нагрузка. Прихрамывая, я подошел, взял ее за поводья и стал водить по кругу. Иначе мы останемся совсем без лошадей.

Справа, метрах в двадцати, шумел кронами дремучий лес, слева текла река, по другую сторону которой высились отвесные скалы. До места переправы, куда мы с царицей добивались трое суток, оставалось недалеко. На конях прежним темпом – несколько часов. Если бы у нас оставались кони.

Ева легла на траву.

– Лошади – сильные. – Она явно недоумевала. – Почему они сдохли?

Как объяснить еще большему профану, чем я сам, понятия инфаркта и инсульта?

– Когда лошадью управляет человек, она слушается его и бежит, пока не разорвется сердце.

– А почему пена у них на морде розовая? Она всегда была белая.

– Из носа пошла кровь и окрасила пену.

– А откуда берется пена?

По сравнению с Евой я оказался академиком коневодства.

– Пена – взбитая слюна.

– Почему лошадь не глотает свои слюни?

– Она не умеет одновременно глотать и дышать.

Когда я закончил заниматься оставшейся лошадью, Ева подняла руку.

– Зажарь. – Ее палец указывал на павшего коня.

Я отправился за дровами. Впервые за много дней оказаться одному на природе – счастье не меньшее, чем остаться невредимым при падении с лошади. Я никуда не торопился. Другого раба у Евы нет, и моя жизнь, как уже понимаю, вне опасности, пока не найдется кто-то еще, согласный обслуживать Еву.

Лес наполнился звуками. Треск, шуршание, шум листвы в вышине...

Давно я не был в лесу. С непривычки казалось, что за мной следят из-за каждого дерева. В крепости, за надежными стенами, я расслабился, там даже голым можно было хо-

дить – никто, кроме такого же голого нечеловека, не увидит.

Топора у нас с собой не было, и я рубил деревья и ветки мечом. Меня же послали не корабельный лес валить, а заготовить пару охапок для костра. Порученную мне работу я превратил в тренировку жизненно необходимого навыка. Большею частью я отрабатывал рассечение небольших стволов. «Бой должен заканчиваться в один удар, и он должен быть моим. И он будет моим».

Попутно в голову лезли разные мысли. Например, было любопытно, сколько живут беляки. Надо было спросить Поликарпа, пока он был жив. В своей параноидальной перестраховке царица перестаралась, живой Поликарп пользы принес бы больше. Он знал намного больше того, чем успел поделиться. Некоторые сведения могли оказаться решающими для борьбы с беляками.

Логически, при невероятных возможностях беляков, они должны быть долгожителями.

Интересно, а сколько прожил дед Ефросиньи? Должны же остаться какие-то сведения. Хотя бы примерно – сколько лет прошло со дня, как он появился в стране башен, до его смерти? К полученной цифре прибавляем цифру визуально определимого возраста на момент прибытия – должны же окружающие помнить, как выглядел новый родственник, когда его увидели впервые...

Здесь возникнет проблема. Сколько лет Еве? Я понятия не имел. Из-за особенностей организмов внешность у беля-

ков, скорее всего, не соответствовала той градации, что принята у людей. Еве может быть сколько угодно лет, от нескольких, если судить по ее любви к детским забавам, до неисчислимого количества, когда возвращение разума в детство вызвано глубокой старостью.

И еще кое-что насчет возможного долгожительства беляков. Даже лоб взмок от пришедшей в голову аналогии. Библейский Адам прожил девятьсот тридцать лет. И другие первые люди.

Беляки – перволюди?!

В Ветхом Завете названы точные цифры: Мафусаил прожил девятьсот шестьдесят девять лет. Ной – девятьсот пятьдесят, причем сына он родил в пятьсот. Кстати, библейская Ева родила Сифа, когда Адаму было сто тридцать. О таком долгожительстве современным людям остается мечтать.

Правда, следующие поколения, как указано в библии, жили меньше. Авраам – всего (всего!) сто семьдесят пять.

Я читал, что в древности на Ближнем Востоке существовало другое летоисчисление, и продолжительность года, по мнению некоторых ученых, отличалась от принятой ныне. Годом назывался оборот луны вокруг нашей планеты, а не, как сейчас, оборот Земли вокруг Солнца. То есть, возраст и многие даты у древних надо делить на двенадцать. Получится, что Адам жил не девятьсот тридцать лет, а семьдесят семь. Казалось бы, вот же истина!

Как всегда, вмешивается коварное «но». При подсчете

«лунных» лет получается, что отцом Сифа Адам стал, когда ему одиннадцати не было, а до того успел сделать еще двух сыновей. А в одиннадцать, кстати, стал уже дедушкой – в это время появился на свет внучок Енох, который чуть позже, в пять лет от роду (если так же считать «лунными» годами) родил Мафусаила.

В итоге выходит: здесь верю так, здесь эдак, а здесь вообще не верю. Это неправильно. Вера на выбор – не вера, а притягивание обстоятельств к удобному и кому-то очень нужному результату.

Нарубив достаточно дров для костра, я вернулся, развел огонь и, пока деревяшки перегорали в угли, решил выяснить давно волновавший вопрос, очень злободневный и, возможно, судьбоносный. Любым способом следовало узнать, умеют ли беляки плавать. Если нет – спасительная река протекала всего в нескольких метрах.

– Ева не хочет искупаться? – спросил я.

– Ева не обезьяна, ей не требуется мыться.

Прозвучало угрожающе. Своим вопросом я, можно сказать, оскорбил «человека», приравняв к грязной обезьяне.

– Чапа имел в виду не мыться, а купаться, – поправил я смысл сказанного, – это собирательное название игр в воде.

– Например?

– Если бы, к примеру, на берегу росло дерево, то к толстой ветке можно привязать веревку и, держась за веревку, с разбегу прыгать в реку, далеко пролетая в воздухе по дуге.

– Потом покажешь, здесь дерева нет. Что еще можно?

– Брызгаться, догонять друг друга, прыгать с ладоней на парника или с его плеч... Для всех игр, в которые играют в воде, нужно умение плавать. Ева умеет плавать?

Сердце стучало так, что оружие на поясе позвякивало. Да или нет? Нет или да? И если нет...

Ева лениво вымолвила:

– Не научишься – не выплывешь.

Странный ответ. Для Евы он что-то значил. Может быть, она думает, что мне все понятно?

– Еве приходилось выплывать откуда-то, когда она не умела плавать?

– Чтобы отправиться искать свой рай, надо пройти через ад.

– Иными словами, через него надо проплыть?

– А как иначе? Как и всех, Еву бросили – Ева выплыла, теперь Ева умеет все.

Это как у нас в жестком способе обучения: кидают за борт, а дальше – твои проблемы. Получается, у них так же. Спарта отдыхает. Там из общей массы отбирали явных больных и доходяг. У беляков через испытание проходит каждый. Жесть.

Но где они проходят свое испытание? Где их ад, через который они идут, то есть плывут, в рай? Во всяком случае, их бросали не в реку, мимо которой мы двигаемся, иначе слышался бы намек или сказалось отношение. Река Еву не

волновала, а от воспоминания «ада» ее до сих пор перерывало.

– Куда бросили Еву?

Ну же!!!

Она потеряла интерес к разговору:

– Водные игры покажешь в следующий раз, а сейчас Ева хочет есть. Не отвлекайся.

Костер уже полыхал вовсю, я насадил на небольшие ветки несколько маленьких кусков конины из павшей лошади и снова направился в лес. Требовалось сделать крепкий вертел для большого куска мяса. У меня появилась еще одна возможность потренироваться в рубке жердей.

Темнело. Ева решила ночевать здесь.

– И веток для лежанки набери, – донеслось мне вслед. – Ева любит спать с удобством.

О том, что я сбегу, она не беспокоилась. Это понятно: на своих ногах мне от нее не уйти. И, кстати, мне самому было странно, что я не боялся шуметь и привлекать возможное чужое внимание. Наоборот. Ау, люди! Я здесь! Я человек, а со мной демон, убить которого можно только вместе. Давайте попробуем! Ау, хоть кто-нибудь!

Жаль, что призывы оставались внутри.

В первом ряду деревьев подходящих тонких стволов не нашлось, я прошел глубже. Ближайший куст показался странным. Такое ощущение, что за ним кто-то пря...

– Тсс! – В кустах проявилось бородатое лицо с пристав-

ленным к губам указательным пальцем.

Глава 4. Новая рабыня

Я машинально попятился, но вынырнувшая, словно ниоткуда, чужая ладонь зажала мне рот, пытавшийся вышептать Поликарпово «Я человек! Люди не должны убивать друг друга!», а бездумно потянувшуюся к мечу руку заломили назад.

Насколько же неслышно ко мне подобралась. Профессионалы. Или я сам, не ведая того, зашел в ловушку? Дилетант. В общем, все познается в сравнении. А еще есть поговорка «Жизнь заставит». Моих лесных противников жизнь заставила стать профессионалами, а я настолько расслабился в обществе белячки, что перестал замечать опасности.

– Не рыпайся, если жизнь дорога, – прошипело над ухом.

Я кивнул.

– Вас двое?

Я снова кивнул. Вывернутая рука балансировала на грани острой боли и потери сознания. Меня держали так, чтобы не заорал. Чувствовался большой опыт. О том, как он нарабатывался, лучше не думать.

Из-за деревьев и кустов вышли трое. Еще один держал меня. Четверо плюс я – итого пять вооруженных бойцов, но против беляка это почти ничего. К тому же, лесным бродягам надо еще объяснить, что я на их стороне.

Бродягами я назвал их из-за внешности и состояния. Су-

дя по одежде и снаряжению – обычный сброд, эдакая смесь братвы и убегайцев, воображавшая себя первыми, а поступавшая как вторые. Ребята считали себя крутыми и опасными и во многом были правы. Но. Меня и Еву они всерьез не принимали, считая, наверное, обычной парочкой. Был бы на Еве плащ крестоносца...

Бродяги имели хороший опыт в делах засад, а вот с беляками, судя по всему, нос к носу не встречались, иначе от фигуры с красиво распущенными из-под шлема снежно-белыми волосами бежали бы как от чумы.

– Второй дерется хорошо? – раздался новый вопрос.

Я еще раз кивнул. Знали бы ребята, насколько хорошо дерется второй, которого они приняли за такого же, как сами, искателя лучшей жизни. Они совершали страшную ошибку, а у меня не было возможности сообщить об этом. Я их понимал. Для них, голодных и измученных, в драной одежде, мешковато висевшей на худых телах, мы с Евой были добычей. У них не было ничего, кроме разбойничьего опыта, а у нас – лошадь и еда. Не будь Ева беляком, мы были бы обречены. А сейчас обречен был только я. Триумфа Евы, то есть того, как она разберется с бандитами, мне, скорее всего, не увидеть.

– Кончатъ? – Вышедший слева потянулся за ножом.

– Погоди. – Тот, что стоял передо мной, внимательно вглядывался мне в лицо.

Во мне всколыхнулось некое узнавание. Где-то я его ви-

дел. Где? При каких обстоятельствах? Не помню. Высокий рост, грязная клочковатая борода, хищный взгляд и впалые от голода щеки...

– Не узнаешь? – Мужик оскалился ртом с выбитыми зубами.

И я вспомнил. В то недавнее время его зубы были на месте, мышцы бугрились, и не тощим дылдой он тогда выглядел, а огромным могучим богатырем. Точнее, разбойником, поскольку «богатырь» – слово не для людей такого пошиба, они его принижают и оскорбляют.

Передо мной был Зимун, убегаец, некогда по поручению папы Акима похитивший меня с другими детьми Немира, а затем, когда устроился в школу моряков в имперской столице, рассказавший про Марианну. Жизнь его потрепала. В былое время он ходил бритым, с плохо соскобленной щетиной на квадратном лице и мускулистой массивной шее, которая в объёме догоняла голову. Помню невероятные кулачищи размером с окорок. Зажатый в них меч казался игрушечным. Сейчас от прежнего Зимунa осталась сморщенная оболочка.

– Сяпа, отпусти ему рот, это знакомый, неприятности ему нужны не больше чем нам.

Чужая ладонь с моего рта исчезла, но моя рука осталась в заломе.

Зимун тихо позвал, обернувшись вглубь леса:

– Блаженная, иди сюда, землячка твоего встретили.

Из-за деревьев выступила еще одна фигура. Внешне она походила на живого мертвеца. Невысокое тощее тело словно выкопали из могилы, кожа была грязно-серой, в порезах и ранах, а единственное одеяние составляла детская рубаша не по размеру. Собственно, не рубаша в современном мне понимании, а надеваемый через голову мешок с дырками для рук и шеи. Снизу мятый рваный мешок заканчивался на середине бедер, сверху из него, как цветок чертополоха на стебельке, торчала всклокоченная голова, а узкое лицо с обтянутыми кожей скулами напоминало посмертную маску – неподвижное и белое, как у беляков. Ни одна мышца не дрогнула на лице, пока я вглядывался в него.

«Ее» – это из контекста, и если бы не обращение к «землячке», то я бы не понял, кто передо мной – парень или девушка. Просто мешок с костями. Вниз – худющие босые ноги-спички, по бокам – тонкие руки-плети. Никаких свидетельств пола. Длинные нечесанные волосы неопределенного темного цвета – не показатель, у меня во время путешествий почти такие же отрасли.

Я уверен, что никогда не видел эту девушку. И в то же время что-то в лице...

Если убрать темные круги под глазами...

Представить щеки налитыми и румяными... Лицо – задорно улыбающимся...

Сам собой всплыл жест, которым в свое время ее рука привычно забрасывала обрезанные по плечи волосы за уши.

Как током пронзило. Я видел ее в похожем балахончике – девичьем, кружавчато-расписном, в глаза сразу бросались плотные загорелые ноги с округлыми широкими бедрами, блестели гладкие овалы икр, по любому поводу энергично взвивались вверх пухлые руки. А грудь и попа были... Даже описывать не надо, достаточно сказать, что в то время они были.

– Елка?!

Это была она – изменившаяся почти неузнаваемо, намного больше чем Зимун.

Елка провела по мне пустым взглядом, но внутри него что-то щелкнуло, и, с тем же бесстрастным неподвижным лицом, она рванулась ко мне, упала в ноги и прижалась всем телом, обхватив за колени.

Зимун оттащил ее от меня за волосы и оттолкнул в сторону:

– Признала.

Я не мог поверить. Елка. Неумная пухлая веселушка. В отличие от старших сестер-двойняшек ее распирало изнутри только в нужных местах, но распирало так, что даже подростком она привлекала мужские взгляды.

Сейчас Елка выросла и повзрослела. Неужели возможно так измениться? Она выглядела едва ли не вдвое старше Любомиры и Любославы, какими я их помнил и которых она сейчас немного обгоняла годами.

– Что вы с ней сделали?! – всшипел я.

Даже с заломленной рукой я попытался достать до меча.

Острая боль вернула меня в прежнее положение – согнутое в приниженном поклоне.

– Мы?! – Зимун обернулся к Елке: – Покажи.

Она молча задрала на себе рубаху – до самого верху, до шеи.

Нижнего белья на ней не было, все тело покрывали шрамы и синяки, но взгляд замер на одном месте. На груди. Нет. На том, что грудью было раньше. Вместо двух заборных мячи-ков, еще в пору взросления сравнимых размерами если не с арбузами, то с дынями точно, зияли похожие на ожоги шрамы. Грудей не было.

Амазонки отрезали себе груди, чтобы не мешали стрелять из лука. Из всех собравшихся луки были у Зимуна и еще у одного, третий держал в руках копье, а чем вооружен тот, что заломил мне руку, я пока не знал. В любом случае, на амазонок собравшиеся не походили и их обычаев, наверняка, не знали.

У Елки оружия не было. У нее не было ничего. Теперь – даже грудей.

Она опустила рубашку.

– Это ей один из надзорных пап удружил, – объяснил Зимун. – Урод. Бежал из Зырянки – украл девчонку. Когда мы его встретили, он, видимо, сильно проголодался и жарил себе на костре «мяско».

Мне очень захотелось оказаться в то время в том месте.

– Вы его убили?

– Не сразу. Блаженная отомщена, не сомневайся.

Я глядел на Елку. Ее лицо ничего не выражало, во взгляде царила абсолютная пустота.

– Елка! – позвал я.

Она не отреагировала.

– Удивляюсь, что тебя признала – сказал Зимун. – Вообще не говорит. И соображает не очень. Если вообще что-то соображает.

– Давно она с вами?

– Месяца три. Мы даже не знали, что ее зовут Елка, у нас она была просто Блаженная. Тихая, покладистая, но иногда так смотрит, что дрожь берет и придушить хочется, чтобы она всех нас не придушила. Кто знает, что у нее в то время в голове творится?

Три месяца. А ссадины и синяки – свежие. У меня в груди вновь заклокотало.

– Аркана ты, должно быть, помнишь, – не замечая моей реакции, тихо продолжал Зимун, – он со мной в гостинице был, когда я тебе коня продал, а это, – Зимун мотнул бородой на копыеносца и того, что держал меня, – Корж и Сяпа. Трудно стало жить в последнее время, никуда не прибиться, и с пропитанием беда настала. – Он потянул носом. Запах жареного мяса долетал и сюда. – У вас неплохо пахнет. Поделитесь со старыми друзьями?

Мы, оказывается, приятели. В прошлый раз Зимун отре-

комендовался хотя бы старым знакомым. Но учитывая, что меня держали в болевом захвате, вопрос был риторический, поделиться придется в любом случае, мое мнение роли не играло.

Звуков рубки леса долго не раздавалось, Ева это заметила. От костра донеслось:

– Чапа! Хочешь неприятностей?

Ее голос был жесткий, но однозначно девичий. Аркан переглянулся с Коржем и Зимуном:

– Опа, а приятель нашего приятеля, оказывается – баба. Она командует, а он прыгает козликом. Из Каинова племени, что ли?

Ответа никто не ждал, Аркан первым шагнул из леса к костру, Корж и Зимун двинулись следом. Сяпа потихоньку повел меня за ними – согнутым, с заломленной за спину рукой.

– Она крестоносец, – громко выдал я, наконец, главное.

Мне казалось, что этим все сказано.

Аркан на ходу осклабился:

– Баба крестоносцев? Славненько, таких у меня еще не было. Чудесный денек. И лошадь, и баба, и ужин на костре... Нас будто ждали.

– А с этим что делать? – прошипело у меня над ухом.

– Она не баба крестоносцев, а баба-крестоносец! – выкрикнул я вслед. – Она вас в порошок сотрет!

По-моему, спевшаяся компашка убегайцев напрямую с крестоносцами не сталкивалась. Но действие мои слова

возымели. Корж взял копьё наперевес, Аркан снял с плеча лук и наложил стрелу, Зимун вынул из ножен меч. Корж зашел по дуге слева, Аркан – справа. Походка из беспечно-валяжной стала осторожной, как при охоте на опасную дичь.

– Отпусти меня, – тихо сказал я Сяпе, шаг за шагом толкавшему меня к месту будущего побоища, – я на вашей стороне. Все вместе мы справимся.

– На моей стороне только я, – хмыкнул Сяпа. – А ты не видел Аркана и Зимуну в бою.

– Елка, бе...

Так и не выкрикнутое «ги» осталось во рту, мощно зажатым ладонью.

Окружаемая Ева поднялась с травы.

– Сложите оружие и признайте себя моими рабами, – объявила она спокойным тоном.

– А девица-то – забавница, – хохотнул Аркан.

Зимун эффектно прокрутил в руке меч. Убегайцы приближались к Еве одновременно с трех сторон.

Она вынула меч и подняла над головой.

Ощущения у меня были как при просмотре боевика. Трое на одного, и террорист с заложником на заднем плане. Защищающийся с красиво распущенными белыми волосами медленно обводит глазами травяную площадку между берегом и лесом, делает несколько шагов, чтобы костер перекрыл копыеносца и поворачивается лицом к Зимуну, поскольку тот наступал с мечом. Для беляка – самое опасное оружие.

– Ева дает вам возможность исправиться, – сообщила Ева. – Она считает до трех. Раз, два, три.

Горбатого могила исправит. Нападавших отделяло от Евы около пяти метров, когда брошенный ею меч со свистом взрезал воздух и пробил Зимуна насквозь, пролетев через его защищенную доспехом грудь целиком, вместе с крестообразной рукоятью. Зимун еще глядел на летевший меч, когда Аркан спустил тетиву. Стрела неслась точно в лицо Евы. Аркан решил не рисковать и не стрелять в защищенное кожаным доспехом тело. Он был отличным лучником. Стрела почти достигла цели. Скосившая в его сторону глаза, Ева вскинула руку и сбила стрелу жестом, которым отгоняют мух.

В тот же миг сквозь дым костра прилетело копьё. От него Ева уклониться не успела. Просто не видела. Впрочем, для нее поражение воткнувшимся в тело наконечником не было жизненно важным, но пробившее спину копьё опрокинуло ее на землю.

Для неинформированных дело казалось конченным. Сюрприза, произошедшего вслед за тем, ожидал только информированный я.

Ева поднялась с земли. Из груди торчал окровавленный наконечник копья. Не обращая на него внимания, Ева прыгнула на Аркана.

Сяпа отбросил меня и схватился за лук.

Я вскочил и с выхваченным мечом помчался к месту по-

боища. Мимо уха пронеслась стрела. С другой стороны Аркан выпустил вторую – прямо в налетевшую на него Еву. На его лице было написано, что он готов признать себя хоть рабом, хоть свиной собачьей, только бы происходивший перед глазами жуткий абсурд закончился.

Стало абсолютно понятно, что Зимуну и его компании не приходилось сталкиваться с крестоносцами. А слухам люди, которые считают себя умными, обычно не верят. Знаю, сам был таким.

От стрелы Аркана Ева уклонилась, в следующий миг его переломленное тело упало с ее приподнятого колена, а ее ногу прошила стрела Сяпы. Для Евы словно бы ничего не произошло, она двумя руками протянула сквозь себя копье, вытащила его из груди и запустила в убежавшего Коржа – тот вовремя сообразил, что легкая победа отменяется, сделал правильный вывод и поступил соответственно. Но поздно. Обычное расстояние для точного броска копья – метров сорок. Коржа смерть настигла на дистанции в два раза большей.

Я подбежал с обнаженным мечом к Еве и понял, что выгляжу глупо. Она улыбалась:

– Чапа хороший раб, но его помощь не требовалась.

Честно говоря, я спешил в гущу боя, чтобы добить Еву. Подловить на отвлечении внимания, оказаться сзади и – как в лесу со стволами деревьев...

– Больше не попадайся врагам. – Ева отбросила вытащен-

ную из ноги стрелу и пригладила кровавую дыру в груди. – Ева не всегда сможет тебя защитить.

Пусть беляки неуязвимы, но боль они чувствуют. То, что случилось с Евой, ей не нравилось. Она морщилась. Меня такие раны и боль убили бы, а Ева боролась, ее организм бросил все силы на восстановление.

Если сравнивать, то для нее попадание копья и стрелы примерно как укусы пса и комара. Впрочем, возможно, более жестко: как укусы пятиметрового крокодила и сторожевой овчарки. То и другое неприятно и болезненно, но стрелы Еву с ног не сбивали. Надо учесть на будущее. Когда Ева отвлечется на что-то, брошенное в спину копье опрокинет ее или хотя бы выведет из строя на одну-две секунды. Это и будет шанс для решающего удара мечом.

Так, а где Сяпа, почему он больше не стрелял? Сбежал? И Ева его так легко отпустила?

Я обернулся назад. Лук и стрелы Сяпы валялись перед ним, сам он лежал лицом в землю с собственным ножом в шею. Над ним безучастно стояла Елка.

– Для нас эта обезьяна неопасна, – сказала мне Ева. – Она хочет к Еве, правильно?

Последнее было сказано громко и обращено в сторону леса.

Елка продолжала стоять с непроницаемым выражением.

– Она не может ответить, но она очень хочет быть рабыней Евы, – сообщил я и направился к Елке.

Ева меня не остановила. Ей требовались новые рабы, и те, что в бою выступают на стороне Евы и убивают ее врагов, ей нравились.

Я шагал медленно, а когда до Елки, глядевшей в землю, оставалось пара метров, она бросилась ко мне, прижалась...

Мне хотелось зарыдать. И ей следовало заплакать, но ее лицо оставалось неподвижным, жизнь в нем умерла. Точнее, ее убили.

– Пойдем. Я тебя не обижу. – Я обнял Елку за костлявые плечи и повел к костру. В глазах щипало. Не от дыма. – Это Ева, наша хозяйка. Надо делать все, что Ева скажет.

– Как зовут нового раба?

То есть, до сих пор Ева не знала пола Елки и называла ее «она», поскольку та с белячьей точки зрения – обезьяна?

– Это рабыня, ее зовут Елка, – ответил я за промолчавшую Елку.

– Она все понимает?

– Да. Что не поймет, я постараюсь объяснить. Елка не станет обузой, от нее будет много пользы.

Ева перевернула ногой труп Аркана – наименее тощий из всех – и указала мне на филейное место:

– Зажарь. И Ева заметила, что ты не ешь мяса. Почему?

Она ошибалась, при ней я ел мясо, но ел конину, а не человечину. Когда я ел мясо, мысли Евы были далеко, и вообще странно, что она заметила мои вкусы. Не каждый хозяин настолько обращает внимание на жизнь рабов.

– А Ева съела бы кого-то из своих? – огрызнулся я, но мой вопрос прозвучал предельно кротко, и скрытая в нем дерзость ускользнула от Евы.

Она спокойно ответила:

– Человечину не едят. А конину ты ешь?

Хотелось ответить правду, что ем все, кроме человечины, но для Евы я – обезьяна.

– Ем.

– Жарь, и побольше, Ева голодная. От этих дохляг все равно никакого толку, одни кости.

Елка безучастно наблюдала за моими действиями. На нее было жалко смотреть. Кожа да кости. Зимун с компанией здоровым видом тоже не отличались, а Елку кормили, видимо, в лучшем случае через раз. Ее неподвижное лицо ужасало. Гипсовая маска. Маска смерти. Хотелось, чтобы Елка улыбнулась, чтобы промелькнула хотя бы тень какой-нибудь эмоции. Любой. Пусть даже грубой и некрасивой, только чтобы исчезла страшная отрешенность от реального мира.

В каком-то фильме сказали, что мозг потребляет больше половины всех получаемых белков и прочих калорий. Когда желудок пуст, мозг продолжает требовать пищу и сосет ее из организма. Результат длительного голода – проблемы как с телом, так и с мозгом. По Елке это было заметно.

Еще я знал, что долго голодавшему человеку нельзя набрасываться на еду. Я сунул Елке флягу с водой и несколько сухофруктов:

– Тщательно разжевывай и обильно запивай. Если заболит живот – больше в этот день не ешь, пей воду.

Развалившаяся на траве Ева громко распорядилась:

– Пусть помоемся. От нее смердит, будто она неделю назад умерла.

Елка действительно умерла, и гораздо раньше. Душу убила, осталась бездушная оболочка.

Теперь я рядом и не дам ее в обиду. Только бы Ева ничего не учудила.

Мы в ответе за тех, кого приручили? Глупость. Тогда Ева должна заботиться обо мне. Она это, конечно же, делает – в рамках обязанностей рабовладельца. А, к примеру, я, спасший ее от смерти в подземелье – я тоже должен о ней заботиться?

Ева обязательно что-то учудит. Я встану на защиту Елки. Скорее всего, мы с Елкой погибнем. Могу ли я поступить иначе? Нет. Почему? Единственное, что приходит в голову в качестве ответа – потому что у меня есть душа. Она болит за людей. Елка – человек. Ева – нелюдь. Зимун, Аркан, Корж и Сяпа – тоже люди, и я защищал бы их от нелюдей как самого себя. Обидно, что они выбрали закон «Человек человеку волк». На самом деле такого закона нет, поскольку тот, кто живет по нему – не человек. Человек – это должно звучать гордо.

На протянутый мной кусок мыла Елка смотрела пустым взглядом и не двигалась. Кажется, она не понимала, что я

ей даю и зачем оно нужно. Забыла. Память, чтобы не мучить, стерла прежнюю жизнь, только поэтому Елка жила. И это позволяло надеяться, что однажды все вновь переменится, и у памяти появится новая работа: стирать недавнее и возвращать приятное былое.

Дрова давно прогорели, я наскоро смастерил вертел с поперечиной на двух треногах, выставил над углями жердь с большими кусками конины и вернулся к Елке, так и не сдвинувшейся с места, подтолкнув ее к реке.

– Она тупая? – донеслось недовольство Евы.

– Она умная, просто очень устала. Ей не давали мыться, и она забыла, как это делается. Я объясню, и все будет как надо.

– И сам помойся, от тебя разит потом не меньше, чем от этих. – Ева пнула валявшийся в ногах труп.

– Чтобы не воняли, я брошу их в реку.

Лучше убрать с глаз долой, пока Ева не передумала насчет человечины. Такого зрелища надломленная психика Елки просто не перенесет. Из огня в полымя. Пусть думает, что с нами лучше, чем с убегайцами. В какой-то мере это действительно так.

Против уборки территории Ева не возражала. Труп Сяпы, самого низкого из компании, я раздел, его вещи, легкий доспех, сапоги и пояс с ножом оставил для Елки – пусть выглядит прилично. Ничего женского у нас с собой нет, но женское и не нужно, оно привлечет внимание новых прохожих

мерзавцев. Пусть мы со стороны будем казаться тремя воинами – мускулистым парнем в расцвете сил, воинственной амазонкой, которая издали тоже сойдет за крепкого юношу, и юным воином-подростком, чей пол в мужской одежде тоже воспримется однозначно. К трем вооруженным парням сунется не каждый.

Еще я поменялся с Арканом перевязью меча. Моя прежняя перевязь крепилась к поясу-портуpee, составляя единое целое, и была удобнее на марше, верхом и в бою, а новая представляла из себя длинную ремennую петлю и одевалась через голову. Меч в ножнах при этом просто болтался на боку, но его можно было перевесить на другую сторону или откинуть за спину.

Замену Ева видела, ее мои действия не заинтересовали. А зря. Недавняя схватка навела на одну мысль. Я решил опробовать пришедшую на ум идею. Дождусь, когда вновь понадобятся дрова, и потренируюсь.

Елка так и стояла с мылом в руках.

– Раздевайся, – сказал я ей.

Она бросила мыло на землю, быстро стянула мешок-рубашку через голову и застыла, глядя в сторону. По глазам вновь ударило обезображенной грудью. Я отвернулся, тоже разделся и, подняв мыло, повел Елку в воду.

– Мыться. Вот так. – Войдя в речку по пояс, я показал на себе.

Лицо Елки осталось неподвижным, в глазах мелькнул ис-

пуг. Кожа пошла пупырышками. Похоже, убегайцы к воде Елку не пускали. Течение и холод страшили ее, но послушаться меня она не смела.

– Мойся! – Я взял ее руки в свои стал тереть ими ее кожу. Безвольно водимые мной маленькие ладони постепенно обретали собственную волю. Я тер ими лицо Елки, шею, плечи, бока, живот, бедра, не касаясь только мест, где раньше была красивая грудь. Дотронуться до уродливых ран было выше моих сил.

Елка закрыла глаза и поддавалась моим усилиям, действуя синхронно, при этом переставая двигаться, как только мои руки ее отпускали. Кажется, ей нравилось то, что я делаю. Она с радостной готовностью отдавалась моим рукам и смиренно замирала, когда я отстранялся. Взгляд по-прежнему оставался пустым.

Ева наблюдала за нами. Я протянул Елке мыло:

– Теперь намылься. Быстрее, время идет.

Елка приложила обмылок к животу, он выскользнул из нетвердо державшей руки и исчез в воде.

Я шумно выдохнул и мысленно посчитал до пяти, чтобы не ляпнуть лишнего. Мало мне было одного большого ребенка – не понимавшей очевидных вещей здоровенной Евы – и нате вам, теперь у меня их два.

– Мясо подгорает, – сообщила Ева.

От нее костер был в нескольких шагах, но она была «человеком», а я – «обезьяной», и мне пришлось нестись из реки и

проворачивать вертел. Заодно я захватил из поклажи еще кусок мыла, предварительно разломав пополам, поскольку он был последним.

Терпением Ева не отличалась, и затянувшееся мытье могло выйти нам с Елкой большим нехорошим боком. Я больше не церемонился.

– Иди сюда. Встань передо мной.

Там, где я остановился, вода едва закрывала колени. Елка приблизилась. Меня передергивало от ее ран, и я приказал:

– Развернись.

Она повернулась ко мне острыми лопатками и хлипким задиком, некогда бывшим сдобной упругой попой. Раньше талия напоминала горлышко над роскошным кувшином. Сейчас...

Сейчас фигуру Елки можно сравнить разве что с колбой для анализов крови. Нечто тонкое и бесформенное – в смысле, что без выпирающих форм. Раньше была гитара, теперь – гриф от гитары.

– Руки в стороны, – скомандовал я.

Елка послушно изобразила крест. Я принялся ее намыливать. Только туда, где была грудь, прикоснуться у меня не получалось, не хватало силы духа. Остальному досталось по полной программе. Я намыливал и ожесточенно оттирал все – и голову, и застывшее в страшной равнодушной маске лицо, и шею с плечами, и руки с подмышками, и спину, и попу, и ноги, задирая их из воды поочередно, и все, что меж-

ду ними. Мне не было стыдно, и я не стеснялся. Женщину я в Елке не видел. Сейчас в компании со мной оказались две половозрелые особы, но ни одна из них не была женщиной в обычном смысле и не могла меня смутить или заставить переживать по поводу того, что я с ними делал. Ни та, ни другая физических реакций в моем организме не вызвали. В моих руках послушно мылилась и оттиралась от природной и человеческой грязи живая девушка, в которой женщину убили, а с берега на нас глядела бездушная нечеловеческая сущность с внешностью секс-бомбы, внешне – невероятной красоты и сексуальности женщина, а внутренне – хищный зверь.

– Ты не хочешь Еву и не хочешь рабыню, – прямо заявила внимательно следившая за моими стараниями Ева. – Ты хороший раб, но плохой мужчина. Или ты не мужчина?

Я почувствовал, как напряглась в моих руках Елка. Мне тоже не понравилось, в какую сторону потек разговор. Неверный ответ заставит хозяйку поэкспериментировать с рабами.

– Чапа – мужчина, – ответил я, – но для этого ему нужны особые условия.

Знает ли Ева слово «любовь»? Отношения с Адамами (от множественного числа уже смешно) говорили сами за себя.

Ответ Еву удовлетворил. Или она потеряла интерес к разговору еще до моего ответа.

Отмытая Елка облачилась в собранные мной вещи, а нож

она ждала с затаенной радостью, которая никак не отразилась на лице. Но я заметил по дрожи рук и брошенному на меня быстрому взгляду. Уверен, что умей лицо Елки что-то выражать, я увидел бы на нем благодарность. Затем были ужин и сон, во время которых нас никто не тревожил – ни меня с Елкой, ни всех троих. Ева спала на ворохе мягких веток по одну сторону костра, я – по другую, Елка прилепилась ко мне и, как мне показалось, пролежала всю ночь на одном боку, уткнувшись носом мне в подмышку или, когда я ворочался, в спину.

Мысли периодически возвращались к вопросу, где находится тот ад, через который проходят беляки. Почему через него надо плыть? Почему туда бросают невзирая на неумение плавать? Кто бросает? Зачем бросает? Если это портал из другой реальности, то почему в него бросают только взрослых, воспитанных в духе «сила есть, ума не надо»? Или способность пропускать исключительно таких – особенность портала? А если никакого портала нет, и путь беляков лежит не из параллельного, а из подземного или загорно-запустынного мира – почему по нему не идут все подряд?

Ох, сколько разных вопросов, на которые нет ответов...

И, вдогонку, еще один вопрос: как все перечисленное соотносится с идеей магического зеркала, недавно так легко связавшего и объяснившего известные факты?

Глава 5. Начало

Разбудили меня яркие лучи солнца, они упорно лезли в глаза, и мне пришлось вынырнуть из благословенного сна. Снилось Зарина. Мы с ней заходили в подъезд моего дома, я объяснял, как пользоваться домофоном и зачем нужен лифт.

Дремотные грезы развеялись, реальность вступила в права. Зарина осталась там, по ту сторону жизни, я был по эту. Отныне сны – единственное место, где мы можем быть рядом.

Возможно, скоро все изменится. Или, если выяснится худшее... Тогда я стану злым, и никакие стены и даже границы миров не спасут разрушительницу моего счастья. У жизни должен быть смысл. Мечь – тоже смысл. Теперь я понимал, что чувствовали Малик и дядя Люсик. Они хотели жить, а им принесли смерть, теперь каждый из них отдаст ненужную больше жизнь в обмен на смерть обидчика. Большая политика решает крупные задачи, а когда лес рубят – щепки летят. Крупнее лес – больше щепок. Каждая щепка – чья-то жизнь. Не завидую лесорубам, если родственники щепок объединятся.

Точно знаю одно: я никогда не возглавлю движение против лесоруба, я буду мстить сам, единолично. Любое массовое движение – такой же лесоруб, но намного худший, поскольку ослеплен гневом. После него щепок останется в разы

больше, и кровожадная спираль выйдет на новый уровень.

Зарина, я надеюсь, что ты жива. Хочу, чтобы мой смысл жизни был связан с жизнью, а не со смертью.

«Надеюсь» и «хочу» – не значит, что так и будет.

Посмотрим. До того, как мысли о будущем станут актуальными, мне надо победить беляка, а в идеале – всех беляков вместе. Тогда мое счастье с Зариной сможет быть настоящим. Вот о чем надо думать в первую очередь.

Солнце висело уже достаточно высоко, от реки несло свежестью и прохладой, пахло остатками вчерашнего костра. Елка, судя по всему, давно проснулась и под моей закинутой за голову рукой тихо дышала мне в подмышку. До сих пор я считал, что мне в жизни очень досталось. Досталось, конечно, но я жив, здоров и готов к свершениям во имя будущего, а Елка... Не представляю, что ей пришлось испытать. И не хочу представлять.

Я вытащил руку из-под головы и притянул Елку к своему боку. Она прижалась радостно и опасливо. Так мы лежали долго, не шелохнувшись, чтобы не потревожить «вселенское зло», обитавшее в нескольких метрах от нас.

Мне хотелось быстрее выехать и, наконец, приехать куда-нибудь, чтобы ситуация хоть как-то изменилась. Возможно, дальше будет хуже. А разве сейчас хорошо? Я не могу нанести гарантированного удара, а без него существование теряет смысл. Я – тело. Я ем, пью, исполняю приказы. Если убрать из перечня работу на хозяйку, то веду жизнь беля-

ка, пустую, никчемную, счастливую, поскольку состоящую из простых физических удовольствий. Фактически я веду жизнь обезьяны (в этом беляки правы). Современная мне наука утверждала, что обезьяна превратилась в человека, когда взяла в руки палку. То есть, обезьяны, счастливые самим фактом существования, с помощью палки стали несчастными: теперь им постоянно чего-то не хватает, и одни из них палками заставляют других делать или добывать желаемое. О том, что вторые еще более несчастны, и говорить не стоит. Может быть, выбросим палки и полезем обратно на деревья?

Если счастье – пить, есть и удовлетворять прочие потребности, то да, это был бы замечательный выход. Многие давно сидят на деревьях, не подозревая об этом. Чтобы увидеть себя на дереве, нужно посмотреть со стороны, то есть слезть с дерева, потому и не видим. А какой еще путь остается, чтобы из счастливой обезьяны стать счастливым человеком минуя этап человека недовольного?

Наверное, надо знать, зачем живешь. Это ли делает из обезьяны человека – не знаю, пусть отвечают философы. Мне хватало факта, что моя первоочередная цель известна, и я к ней всей душой стремлюсь. Совсем не благая цель. Ради такой не стоит становиться человеком. Но чтобы оставаться человеком, я должен к этой цели стремиться.

Убить Еву.

За такие цели надо судить и казнить. Возможно, позже я себя осужу. Или нет. Посмотрим, когда победим.

Если победим.

Нет, все же «когда», иначе мы не люди, а обезьяны.

Как убить белячку? Вариант – сговориться с Елкой, чтобы она отвлекла Еву, и та подставила шею под клинок. Или чтобы Елка бросила копьё, когда отвлекать буду я, и тогда у меня появится секунда для главного удара.

Увы, из Елки никудышный напарник в таких делах.

Буду думать дальше. В этом тоже важное отличие человека от обезьяны – планировать гадости, чтобы выжить.

Ева спала дольше всех. Наверное, организм требовал время на восстановление после вчерашней встряски, которая обычного человека давно отправила бы на небеса.

Ева поднялась, когда солнце почти достигло зенита. Мы с ней позавтракали еще одним куском жилистого лошадиного бедра, а Елку я осторожно кормил размягченными фруктами. Завтра можно перейти на кашу, а до мяса в лучшем случае дойдет через несколько дней. Человеческий организм, в отличие от белячьего, восстанавливается очень долго. У Евы, например, к утру не было и следов сквозной раны в груди, а о пробившем ее копьё напоминали только дыры в доспехах.

Отправившись за дровами для приготовления завтрака, я опробовал пришедшую вчера идею. Со спины Ева уязвима, когда ее внимание отвлечено. Однажды это удастся использовать. Я должен быть готов.

Елка пошла со мной, но окрик Евы вернул ее обратно. Ви-

димом, отныне появилось новое правило: теперь, когда рабов стало двое, им запрещено покидать хозяйку одновременно.

В лесу я встал напротив молодого дерева. Ствол – с мою ладонь. Перерубить в один удар сложно, но можно. Требуются твердый упор ступней, максимальный замах, мощное раскручивание тела и правильное исполнение. Над этим я работал и раньше, у меня получалось, но по времени получалось долго. Чтобы достать оружие, требовалась доля секунды, но в бою с обладавшим сверхреакцией существом лишней доли секунды у меня может не быть. Звук вынимаемого меча – это не стальной скрежет, как показывали в кино, а легкий шелестящий звук, но противник его услышит. К тому времени, когда клинок готов будет разить, я буду мертв.

Проблему решала новая перевязь. Меч болтался слева на боку на длинном, надетом через голову, петлеобразном ремне. Взявшись за середину ножен левой рукой, я поднял оружие перед собой на уровень груди рукоятью вправо. Словно предлагал кому-то взять его. Правая ладонь обхватила рукоять. Поза – будто держусь за руль велосипеда. Не двигая ступней, обращенных «к противнику», я развернул тело влево до упора, отчего правая рука тоже ушла влево за уводимым назад мечом.

Раскручиваясь обратно только правой стороной тела, я вынул меч и одновременно ударил – в одно движение.

Ствол срезало, деревце завалилось на бок.

Я повторил движение несколько раз.

Отлично. Теперь нужно ждать момента.

После завтрака мы собрались ехать дальше. На единственной оставшейся лошади.

– Пешком идти долго. Садитесь, – приказала Ева и, когда я посадил Елку и устроился за ней, запрыгнула мне за спину. – Проедем сколько сможем.

Она опять погнала лошадь без жалости. С тройной ношей и сумками лошадь долго не выдержит. Еве было все равно. Она спешила.

Меня окружали руки и тело прижавшейся сзади жаркой красавицы, но к ней я ничего не чувствовал. А передо мной...

Елка сидела тихо, как мышка, весила как кошка, а выглядела как сломанная кукла, собранная из тростинок. Она несколько не походила на источник опасной чувственности, но вызывала такую волну нежности, жалости и желания обнять, приласкать, утешить, сказать доброе слово...

Я дышал в ее макушку, ноги коленями обхватили и сжимали худые бедра, руки обнимали тонкую талию и сходились на животе, не смея сдвинуться ни на сантиметр выше – туда, где зияли страшные раны. Свидетельства чужой жестокости были под одеждой, я их не видел и не мог видеть, но чувствовал. Каждая клеточка бесилась в ощущении невосполнимой потери и невозможности что-то исправить. Ненавижу жестокость. Жестокость порождает жестокость. Когда я вижу жестокость, я готов убивать.

Как быстро летит время. Неделя за неделей, месяц за месяцем... Счет давно пошел на годы. Где та Елка – пухлая девчонка-веселушка, мечтавшая о конязе, к которому она даже сбежать собиралась, когда он объявил смотрины?.. И когда вместе с другими детьми Немира купалась на виду у надзорных пап, чтобы превратить наш с Марианной побег в детскую забаву... Сейчас в моих руках деревенело тело взрослой девушки, жестокостью окружающих почти превращенной из живого человека в растение. Надежду внушало слово «почти». Елка была не в себе, но оставалась человеком. Она узнала меня при встрече, она радовалась моему присутствию рядом. И Елка помнила обиды. Сяпу она убила не просто так. Наверняка, было за что. Теперь она отмщена – все, кто причинил ей боль, мертвы, можно начать новую жизнь.

Я помогу. Елка начнет нормально есть, былая пухлость вернется, и лицо вспомнит как улыбаться. Живой человек остается живым, даже если выглядит мертвым. Грудь, конечно, вновь не отрастить... в этом мире. А в моем? Там умеют грудь увеличивать, неужели не смогут воссоздать?

Вот и план на ближайшее будущее. Забрать Елку с собой в мой мир. Там и с грудью помогут, и с психикой. Не думаю, что Зарина будет ревновать. Впрочем...

Когда Елка обретет прежние формы и они заблестят животворной спелостью и более взрослой жизнерадостностью – наверное, появится и внешний повод для ревности. Будущую упоительно-сладкую красавицу я вижу в Елке уже сей-

час, даже в этом тщедушном тельце с безучастным лицом.

Лицо – да, оно оставалось безучастным и отстраненным, но тело...

Елка льнула ко мне, незаметно терлась, старалась прижаться крепче, прочувствовать тепло и надежную защиту объятий. Ее голова даже склонилась на миг к моему плечу.

Неожиданно мне стало стыдно за вчерашнее.

– Прости, что касался тебя без спроса, – шепнул я во вздрогнувшее и наострившееся ушко. – Так было надо.

– Не болтать, – грубо раздалось сзади.

Елка вновь благодарно потерлась об меня спиной.

Я ощутил нехорошее предчувствие. Не зря постоянно снилась Зарина. И хорошо, что в сегодняшнем сне мы не дошли с ней до спальни, а то мог случиться конфуз.

– Ева позволит высказать предложение?

– Говори.

– Может быть, лучше посадить Елку назад? Она почти невесома, впереди Еве будет сидеть комфортнее, а вес по лошади распределится равномернее.

– Ее посадить сзади? – В голосе Евы слышалось презрение к моим умственным способностям. – Ты видел, что она с той обезьяной сделала? Новая рабыня может оказаться бешеной, ее нужно держать на виду. За нее отвечаешь ты.

Что ж, я и так за нее отвечаю, но не в том смысле. А теперь, как оказалось, и в том.

Вскоре случилось то, что должно было случиться: взмы-

ленная изможденная лошадь пала. Полетевших вниз меня и Елку подхватили сильные руки и поставили на землю без повреждений.

– Берите два, – Ева указала на мешки с провизией, – быстрее, время идет, а нам теперь тоже идти. Чапа, отрежь мяса, вечером приготовишь.

Я огляделся по сторонам. Мы достигли места нашей с царицей переправы к горам перед землями оружейников. На другой стороне отвесные скалы сменялись нагромождением камней на берегу, далее, вверх по течению – россыпью булыжников. Отсюда оставалось недалеко до прохода в горы к порталу. Мы же, судя по всему, направлялись дальше, чтобы оказаться прямо напротив Афонино-Терентьевки, городок вскоре должен был появиться впереди по другую сторону реки. Насколько я знал, других населенных пунктов здесь не было. Если только за последнее время успели отстроить новый...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.